
НАМ НЕ
ХВАТИЛО
ПРАВДЫ

Лора Эверли

Нам не хватило правды

«Автор»
2026

Эверли Л.

Нам не хватило правды / Л. Эверли — «Автор», 2026

Архитектор Алиса Воронова привыкла отвечать за каждую свою подпись. После аварии в театре «Атриум» она обнаруживает согласование, которого никогда не подписывала.Разбираться в последствиях происшествия приходится вместе с Андреем Левицким — человеком, которого она не видела двенадцать лет. Тогда их разлучило молчание, и теперь у каждого есть причина не рассказывать всё.Алисе предстоит защитить своё имя, встретиться с собственной прошлой ошибкой и понять, можно ли довериться тому, кто однажды не сказал главного.

© Эверли Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. За несколько дней до открытия 5
Глава 2. Левицкий 9
Глава 3. Чужая подпись 14
Глава 4. Старые ошибки 18
Глава 5. Первое сомнение 26
Глава 6. Не по работе 30
Глава 7. Серая папка 37
Глава 8. Цена молчания 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Лора Эверли
Нам не хватило правды

Глава 1. За несколько дней до открытия

В понедельник утром, за пять дней до открытия, в фойе «Атриума» уже расставляли белые хризантемы. Цветочные ведра стояли вплотную к ящикам с инструментами, а из зрительного зала доносилась одна и та же музыкальная фраза: звукорежиссёр снова и снова обрывал её на середине. Театр выглядел почти готовым к празднику. Алиса Воронова смотрела не на отреставрированный плафон, над которым её студия работала три года, а в темноту над сценой, где за декорациями скрывались узлы подвесного оборудования.

Двенадцать дней назад ей прислали фотографии изменённых точек крепления. Два узла перенесли относительно утверждённой схемы, ещё один заменили другим; объяснялось это неудобством монтажа на старых конструкциях. Изменение могло оказаться допустимым, но это следовало подтвердить расчётом и проверкой фактических нагрузок. Вместо документов подрядчик посылал сообщения об «урегулировании вопросов в рабочем порядке». Вчера он повторил ту же фразу, и теперь Алиса в третий раз написала: до необходимых подтверждений использовать соответствующую подвесную систему нельзя.

— Вы опять с утра воюете? — спросил за спиной Сергей Громов, технический директор театра.

Он проработал в «Атриуме» почти двадцать лет и прежде никогда не пытался выдать спешку за технический аргумент. Сегодня лицо у него было серым от недосыпания. На столе у входа лежали списки гостей торжественного открытия, а на его папке — распоряжение о закрытии части служебных помещений.

— Не воюю. Добиваюсь, чтобы мне показали расчёты, — ответила Алиса. — Подрядчик обещал их вчера. И позавчера тоже.

— Полную репетицию с верхним светом я отменил. Доступ к подвесам закрыл, оставил только работы, которые можно вести в стороне от них. Руководитель монтажа будет к одиннадцати.

— А боковой служебный проход?

— По нему персонал ходит к пульту. Ограждение стоит со стороны сцены. Я уточню условия доступа ещё раз.

Она посмотрела в сторону коридора, куда как раз прошёл техник с бухтой кабеля. Алиса не знала, как далеко могла уйти сместившаяся при аварии конструкция; не знала даже, существовала ли такая опасность. Её тревожило другое: люди быстро привыкали к ограждению и начинали считать проход за ним безопасным.

Кирилл Савин позвонил за полчаса до совещания. Алиса услышала характерную паузу между его приветствием и делом: так он говорил, когда заранее рассчитывал, какими словами смягчить неприятный вопрос. Когда-то этот голос помогал ей выдерживать самые тяжёлые переговоры; теперь она настораживалась, едва Кирилл начинал особенно мягко.

— Я видел письмо, Алис. Заказчик прочитает его как требование остановить подготовку к открытию.

— Только ту часть работ, безопасность которой не подтверждена. Именно это и написано.

— Попробуем сначала получить расчёты. Я приеду после обеда.

— Получить их нужно было до монтажа, Кирилл. Не перед перерезанием ленточки.

Он не спорил. Сказал лишь, что не хочет паники и разговоров с пресс-службой. Алиса ответила, что собирается разговаривать только с людьми, которые отвечают за проект. После

звонка она постояла у входа в зал ещё минуту. На сцене кто-то включил рабочий свет, и в пустом зрительном пространстве вдруг проявилась вся красота её работы. Алисе хотелось успеть ею порадоваться до субботы.

К одиннадцати за столом в маленькой переговорной сидели Громов, представители заказчика и руководитель монтажного участка. Последний принёс измятую папку, но не принёс главного документа. Он уверял, что новые точки подвеса обсудили «со всеми участниками» и что инженер подрядчика подтвердил их пригодность по телефону.

— Я готова записать фамилию этого инженера, — сказала Алиса. — А потом попросить его представить расчёт. Устный разговор не позволяет понять, что именно проверялось: первоначальная схема или то, что теперь висит над сценой.

— Вы хотите задержать открытие ради бумаги?

— Я хочу знать, чем держится конструкция.

Подрядчик повернулся к Громову, ожидая поддержки. Тот не поднял глаз от протокола и произнёс, что ограничения останутся до письменного подтверждения. Алиса попросила внести в запись и отсутствие расчётов, и требование проверить уже смонтированные узлы. Ей давно приходилось быть неприятным человеком на совещаниях, но сегодня этот привычный образ особенно раздражал: за её спиной находился театр, который она любила, и сотни людей, ждавших открытия.

В коридоре монтажник догнал её. Спросил, понимает ли она, сколько денег теряется на каждом дне задержки, и уверил, что никто не станет «устраивать испытания ради одного замечания архитектора». Алиса остановилась. Она отвечала за архитектурную часть, не за расчёты подвесов, однако именно это позволяло ей ясно видеть границу собственного знания.

— Объём испытаний определяет инженер. Я даже не требую, чтобы вы приняли моё мнение о конструкции. Я требую показать мнение человека, который её рассчитал.

Он ушёл, не попрощавшись. Алиса направилась к лестнице и увидела Павла Березина — осветителя, которого знала по долгим ночным наладкам. У него за ухом торчал карандаш, а под мышкой была папка с перечнем каналов освещения. Обычно Павел разговаривал, не переставая двигаться; сейчас он выглядел смущённым.

— Алиса Николаевна, верхний свет сегодня точно не пустят? Режиссёр просит проверить новую программу, а я ему уже ничего объяснить не могу.

— Точно. Если что-то потребуется проверить, обратитесь к Громову, пусть определит безопасный порядок. Самостоятельно наверх не ходите.

— Да я и не собираюсь. У меня дома двое начальников построже. Жена и Соня. — Он улыбнулся. — Ей шесть. Уверена, что это я включаю звёзды в театре. Уже выбрала платье на субботу.

Он показал на телефоне фотографию девочки с двумя неровными косичками, а потом торопливо убрал аппарат, будто это было нарушением трудовой дисциплины. Алиса пожелала, чтобы Соня поскорее увидела представление. Павел ответил: «Лишь бы нам дали всё проверить», — и свернул в боковой проход с папкой под мышкой.

В половине второго Алиса сидела в бывшем кабинете управляющего. На столе лежали фотографии креплений, рядом — журнал замечаний; она сопоставляла номера узлов с письмами подрядчика, чтобы к приезду Кирилла перед ней были факты, а не ещё один разговор о раздражающих всех сроках. За дверью Громов кому-то повторял, что в закрытую зону заходить нельзя и боковой проход должен оставаться свободным. Алиса записала номер очередного недостающего приложения.

Первый удар прозвучал как сорвавшаяся с высоты железная балка. Следом раздался треск, слишком долгий для упавшего инструмента, и тяжёлый грохот. Задрожало стекло ста-

рого шкафа. Алиса выбежала в коридор, услышала крик Громова — «Назад! Не подходить!» — и вместе с другими сотрудниками спустилась к зрительному залу.

Один конец световой фермы оказался на полу, другой упёрся в конструкцию у бокового прохода. Из-за двери торчали смятые металлические элементы; по полу тянулись оборванные кабели. Несколько работников пытались приблизиться, но Громов отгонял их от проёма. Алиса увидела лежащего человека и не сразу поняла, что это Павел. Карандаша за ухом не было. Его нога была вывернута под невозможным углом; рядом с виском темнела кровь.

— Не трогайте его, — сказал сотрудник, стоявший возле Павла на коленях. — Вызвали скорую. Он дышит.

Алиса отступила. Ей хотелось сделать что-нибудь полезное, но единственным разумным действием было не мешать. Через несколько минут примчались медики, попросили освободить путь и начали работать. Кто-то за спиной Алисы громко спросил, почему Павел находился в закрытой зоне.

— Не был он там, — резко ответил Громов. — Шёл по служебному проходу. Хватит пока придумывать виновных.

Когда Павла перенесли на носилки, он на мгновение открыл глаза и прошептал:

— Наташе позвоните.

Громов наклонился почти к самому его лицу и пообещал позвонить. Алиса вспомнила фотографию Сони, которую видела час назад, и внезапно ощутила, как сильно сжимает в ладони телефон. На экране была открыта переписка с подрядчиком; последнее сообщение заканчивалось словами «вопросы урегулированы».

После отъезда скорой театр закрыли, часть людей вывели из здания, а Громов распорядился не трогать упавшие элементы, пока специалисты не определят безопасный порядок фиксации и осмотра. Кирилл появился через служебный вход и остановился рядом с Алисой. Её удивило, что он сначала посмотрел на сцепившиеся над сценой металлические детали, и лишь потом — на лицо партнёрши.

— Павел жив? — спросил он.

— Увезли. Был в сознании. Больше ничего не знаю.

— Мы же запретили пользоваться системой.

— Репетицию отменили, Кирилл. Железо осталось на месте. Павел шёл там, где не стояло ограждение.

— Как это произошло?

— Я не видела разрушения. И не стану сочинять причину.

Они замолчали. В фойе всё ещё стояли цветы к субботнему открытию. Теперь их некому было убирать: люди собирали сумки и уходили молча, стараясь не смотреть в сторону зала.

К вечеру театр объявил о переносе открытия. В одной из первых заметок Павла назвали рабочим подрядной организации, хотя он служил здесь много лет; в другой причиной падения объявили нарушение техники безопасности. Алиса закрыла новости. Ей показалось чудовищным, как быстро чужая травма превращается в удобное объяснение, особенно когда человек не может возразить.

В студии Елена Ракитина, юрист «Вороновой и Савина», собрала Алису, Кирилла и координатора проекта Романа Кудрявцева. Она не стала обсуждать вероятную вину подрядчика или заказчика. Велела сохранить исходные письма вместе с вложениями, журналы замечаний и все версии схем, не переименовывать файлы и не восстанавливать задним числом то, чего в архиве не было. Алиса передала свою переписку: первые вопросы об изменённых узлах, повторные запросы и утреннее требование остановить использование подвесов до проверки.

— А техническое приложение ТП-6? — спросил Кирилл.

— В сопроводительных письмах на него ссылались, — ответила Алиса. — Но у нас в полученном комплекте его нет. Роман зарегистрировал два вложения.

Елена записала это отдельно.

— Не значит, что приложение не существовало или не отправлялось никому. Значит, мы пока не можем подтвердить получение именно нашей студией. И ещё, Алиса: возьми отдельного адвоката. Интересы компании и твои собственные могут не совпасть.

Кирилл отодвинул стул.

— Мы столько лет работаем вместе. Зачем сейчас создавать недоверие?

— Чтобы не выяснять потом, что каждый защищал разное, — спокойно ответила Елена.

Разговор прервало письмо подрядчика. В теме стояло «Документы по изменению подвесов», а внутри оказался скан одностраничного согласования. Роман вывел его на большой экран. В таблице были перечислены изменённые узлы; внизу, напротив фамилии «А. Н. Воронова», стояло «согласовано без замечаний». Под этим располагался росчерк, настолько знакомый Алисе, что первая секунда прошла в неверии, а не в возмущении.

Она приблизилась к экрану. Петля заглавной буквы, удлинённая линия в конце — всё выглядело правильно. Но такого документа она не подписывала. Весь день она требовала предъявить обоснование той самой схемы, которую этот лист будто бы разрешал.

— Это не моя подпись, — сказала Алиса.

— Ты уверена? — спросил Кирилл.

Она повернулась к нему так резко, что он отступил на полшага.

— Я уверена в том, чего не делала.

Елена приблизила изображение и остановила её, прежде чем она произнесла что-нибудь ещё.

— У нас только скан. Мы не можем по нему утверждать, как появилась подпись и кто её нанёс. Запросим оригинал, историю подготовки и передачи документа. Твоё непризнание зафиксируем отдельно.

Алиса ещё раз посмотрела на экран. В больнице Павлу предстояла операция, театр был закрыт, и какая-то часть её жизни уже оказалась связана с этим листом бумаги. Рядом стоял Кирилл, человек, который много лет учил её не подписывать ничего, чего она не может объяснить. Он молчал.

Поздно вечером она дома открыла письмо подрядчика ещё раз. Росчерк оставался безупречно похожим на её собственный. Алиса вспомнила, как легко сегодня неизвестные люди решили, что Павел сам виноват в травме, и поняла, как быстро кто-то может присвоить человеку не только имя, но и его поступок. Она создала отдельную папку с исходными письмами, сохранила скан без изменений и написала Елене: «Утром начнём с цепочки получения. Я не собираюсь доказывать свою невиновность по памяти».

Глава 2. Левицкий

Во вторник Алиса проснулась за полчаса до будильника. За окном ещё не рассвело, и в тишине квартиры отчётливо слышался гул лифта за стеной. Она открыла телефон не ради новостей об аварии, а из-за Павла: ночью ей несколько раз снилось, будто он по-прежнему лежит на полу служебного прохода и никто не может найти выход к машине скорой помощи. От Елены уже пришло сообщение: состояние стабильное, операция назначена на сегодня, подробностей без согласия семьи не будет.

На столе оставался ноутбук с открытым сканом согласования. Алиса не увеличивала подпись снова; за ночь она и так запомнила каждый её завиток. Её больше тревожила строка над росчерком: «Согласовано без замечаний». Если эта бумага появится в материалах расследования раньше её писем, кто-то сочтёт, что она сначала разрешила изменение, а затем передумала. Расставить документы в нужном порядке будет мало — понадобится доказать, когда и от кого каждый из них пришёл.

Кирилл позвонил, пока она собиралась на работу. Владелец театра уже пригласил инженерную фирму для независимой оценки состояния доступных конструкций; встречу назначили на одиннадцать, непосредственно в «Атриуме». Подрядчик требовал скорее разрешить демонтаж повреждённого оборудования. Алиса вспомнила смятую ферму и ответила, что до определения безопасного порядка работ к ней не должен прикасаться никто.

— Все это понимают, — сказал Кирилл. — Я хочу только, чтобы мы говорили согласованно. Заезжай сначала в студию.

Она положила телефон и впервые за много лет подумала о том, как легко слово «согласованно» начинает означать не общую точность, а единую удобную версию. Потом рассердилась на себя за подозрение. Кирилл был её партнёром двенадцать лет, а до этого — наставником; без него она вряд ли решилась бы открыть собственную архитектурную студию. Пока у неё не было оснований превращать усталость в недоверие.

Офис «Вороновой и Савина» располагался в бывшем доходном доме. Здесь Алиса настояла на сохранении старой кирпичной кладки, а Кирилл сумел убедить заказчиков, что не все встречи нужно проводить за столами из чёрного стекла. В обычные дни в коридоре спорили о материалах и сроках; сегодня сотрудники замолкали, когда она проходила мимо. На одном из экранов висел заголовок городской новости: «Авария перед открытием: кто допустил монтаж?»

— Не нужно закрывать страницу из-за меня, — сказала Алиса молодому архитектору, который поспешно свернул браузер. — Только не пересказывайте журналистам то, чего мы пока не знаем.

В кабинете Кирилла Елена уже раскладывала документы по времени поступления. Она повторила условия хранения исходных писем, а затем показала подтверждение запроса подрядчику: оригинал спорного согласования, данные о его составлении и передаче пока не представлены. Алиса сообщила, что подготовила собственные письма с замечаниями. Кирилл говорил о сроках других проектов и необходимости не останавливать студию из-за одного происшествия; Елена в ответ попросила каждого специалиста отвечать только за решения в пределах его компетенции.

Роман Кудрявцев принёс уточнённый список участников встречи в театре. Елена быстро просмотрела документ и задержалась на названии экспертной организации.

— «Левицкий и партнёры». Кто-нибудь с ними работал?

Алиса не сразу подняла глаза. Фамилия, когда-то произносимая шёпотом на лестнице Дома искусств, вдруг возникла посреди перечня подрядчиков и телефонов. Она успела заметить, как Кирилл задержал дыхание, прежде чем ответить:

— Работали. В две тысячи четырнадцатом. На Доме искусств.

— Это тот самый Левицкий? — спросила Алиса.

Елена посмотрела на неё.

— В списке указан Андрей Михайлович. Он сам руководит обследованием. Если между организациями были существенные разногласия, заказчика об этом следует уведомить.

— Были, — сказал Кирилл. — Но давно. Решение о независимости принимает заказчик.

Алиса заставила себя сделать пометку на полях. Последний раз она видела Андрея в декабре 2014 года. Он стоял у дверей проектного офиса в мокром пальто и говорил, что не станет продолжать разговор, в котором каждому нужна только удобная часть правды. Алиса промолчала. Ей запомнились капли с его рукава на светлом полу и то, что она так и не окликнула его, когда он уходил.

Двенадцать лет фамилия Левицкого попадалась ей в профессиональных публикациях и на фотографиях с конференций. Она каждый раз переворачивала страницу чуть быстрее, чем требовалось. Теперь его имя стояло в списке участников совещания об аварии, а перед ней лежал документ с подписью, которую она не ставила. Алиса закрыла ручку колпачком и заставила себя вернуться к повестке.

— Алиса, ты со мной? — спросила Елена.

— Да. Направим заказчику сведения о прежней совместной работе. И поедем.

Кирилл взглянул на неё с удивлением, словно ожидал просьбы отказаться от совещания. Но Алиса взяла папку и вышла первой.

У служебной двери «Атриума» ещё стояли лужи. На вчерашнем месте с афишами теперь висела схема закрытых зон, а охранник сверял пропуска с новым списком. Алиса расписалась в журнале и услышала за спиной тихий вопрос молодого осветителя, шедшего навстречу с пустой коробкой:

— Вы не знаете, что с Пашей? Тут говорят, он сам нарушил инструкцию.

— Операция сегодня, — ответила она. — А причины происшествия никто ещё не установил. Не повторяйте слухи.

Осветитель кивнул и ушёл, крепче сжав коробку. Алиса подумала, что человек, чья жена сейчас ждёт у операционной, уже стал предметом чужих уверенных объяснений. На фоне этого её собственная подпись казалась не единственной вещью, которую можно было присвоить без разрешения.

В переговорной находились Громов, представитель владельца театра, двое подрядчиков и два инженера у окна. Младший раскладывал фотографии узлов, старший что-то негромко уточнял по плану. Алиса узнала его прежде, чем он повернулся. Андрей стал старше: седина у висков, строже очерченный подбородок, уставшие глаза. Но наклон головы, когда он слушал, остался прежним, и от этого узнавания у неё болезненно сжалось горло.

— Андрей Михайлович Левицкий, — представил его Громов. — Руководитель обследования. Алиса Николаевна Воронова, архитектор проекта.

— Мы знакомы, — сказал Андрей.

Он протянул руку. Алиса ответила на рукопожатие и тут же рассердилась на себя: нельзя же после двенадцати лет замечать, что у человека всё ещё тёплые ладони. Андрей познакомил её с инженером Даниилом Серовым и занял место за столом. Ни одного лишнего взгляда; если он и был потрясён встречей, то не собирался показывать это при посторонних.

Представитель владельца начал с главного: до подтверждения безопасности никто не возобновляет работы на затронутой системе. Андрей попросил показать границы закрытой зоны

и перечислил, какие исходные схемы, монтажные изменения и сведения об осмотрах нужны для первоначальной оценки. Он говорил спокойно, без привычной для подрядчиков попытки произвести впечатление количеством технических терминов.

— Я не устанавливаю виновного в травме сотрудника театра, — сказал он. — И не обещаю сегодня назвать причину разрушения. Моя команда должна определить, что можно обследовать безопасно, какие данные отсутствуют и какие ограничения пока необходимы. Прежде чем трогать повреждённые элементы, нам нужно зафиксировать их состояние и согласовать порядок доступа.

— У нас есть согласование проектировщиков, — вмешался монтажник, по лицу которого Алиса узнала вчерашнего спорщика. — Вот копия.

Он положил перед Андреем распечатку скана. Алиса видела, как тот мельком посмотрел на её фамилию, но не повернул лист к ней, словно желая подчеркнуть, что не требует личного оправдания.

— Этот документ я не подписывала, — сказала она сама. — Мы запросили оригинал и сведения о его происхождении.

— Но подпись-то есть, — возразил подрядчик.

— На изображении есть похожий росчерк. Это разные утверждения.

Андрей перелистнул бумаги.

— У моей фирмы нет задания исследовать почерк или подлинность подписей. Пока в материалах будет указана копия, предоставленная подрядчиком, с оспариваемым согласованием. Никакое заключение о состоянии конструкции не станет достовернее от того, что мы назовём этот скан подлинником.

Алиса почувствовала облегчение — и досаду на это облегчение. Андрей произнёс то, что следовало сказать, не взглянув в её сторону. Когда-то его привычка сначала перечислять неизвестное, а потом делать выводы выводила её из себя. Теперь подрядчику оказалось нечего возразить.

Дальше проверяли перечень материалов. Андрей отметил отсутствие подтверждения фактического расположения смонтированных узлов и расчётов по изменённой схеме. Алиса указала, где находятся первоначальные архитектурные планы. Громов настоял, чтобы любые работы в закрытой части согласовывались отдельно; подрядчик пытался получить устное разрешение на демонтаж, но ушёл ни с чем. На схеме доступа Андрей задержал палец у бокового служебного прохода.

— Этот коридор вчера был открыт для персонала?

— Да, — ответил Громов. — Ограждение стояло со стороны сцены.

— Я прошу зафиксировать его положение на момент происшествия отдельно от сегодняшней схемы. С фотографиями, если они сохранились.

За столом стало тише. Алиса вспомнила Павла, проскользнувшего туда с папкой под мышкой, и почувствовала, что впервые за день сидит на совещании, где кто-то пытается восстановить событие, а не заранее выбрать объяснение.

Когда работа закончилась, остальные вышли осматривать разрешённый коридор. Алиса задержалась, собирая оригиналы чертежей в папку. Из коридора донёсся голос Даниила, затем дверь слегка приоткрылась.

— Воронова, — сказал Андрей. — Можно на минуту?

Он остановился у дальнего края стола. В кабинете было холодно от плохо закрывающегося окна, и Алиса зачем-то ждала, что Андрей заметит сквозняк и захлопнет створку, как делал когда-то на бесконечных совещаниях Дома искусств. Андрей окна даже не увидел.

— Я не знал, что ты ведёшь «Атриум», — произнёс он. — Список представителей проектировщика пришёл после того, как я согласился на первоначальное обследование. О нашем прошлом заказчику сообщу официально.

— Кирилл тоже так считает.

— Кирилл, значит, помнит, что мы работали вместе.

— Ты ожидал, что он забудет?

Он опустил глаза к планшету. Алиса услышала собственный тон и пожалела: разговор ещё не начался, а она уже искала, за что уколоть. Ей не хотелось показывать, что появление Андрея выбило её из равновесия. Особенно теперь, когда вокруг было достаточно людей, готовых считать её неуравновешенной из-за чужой подписи.

— Я приехал не ради тебя, Алиса, — сказал Андрей. — Но и изображать, будто тебя здесь нет, не стану. Если прошлое мешает независимости работы, заказчик должен знать. Это не наше личное решение.

— Понимаю.

Она ожидала привычной колкости, но он молчал. За двенадцать лет Алиса успела научиться говорить с любым заказчиком и почти с каждым бывшим коллегой. Только рядом с Андреем обнаружила прежнюю неуклюжесть: хотелось одновременно потребовать объяснений за прошлое и не позволить ему заговорить о нём первым.

— Ты не уехал из города? — спросила она.

— Нет. Командировок было достаточно, но здесь моя фирма.

— Значит, мы удивительно успешно не встречались.

— Похоже на то.

Пауза получилась почти смешной. Алиса вдруг представила все эти годы: один город, одни архитектурные выставки, разные маршруты через него. Она хотела сказать, что иногда искала его фамилию в новостях, но знала — такое признание превратит разговор о рабочих границах в нечто, к чему она ещё не готова.

— Я не собираюсь использовать эту аварию, чтобы пересматривать Дом искусств, — произнёс Андрей.

— Ты уже пересматриваешь его. Просто молча.

Он поднял глаза. В них на мгновение появилось то самое упрямство, из-за которого она когда-то и полюбила его, и разозлилась на него сильнее всех в своей жизни.

— Я не говорил, что забыл тебя, — ответил он тихо. — Говорю только, что здесь отвечаю за работу.

Алиса не нашла слов. Андрей открыл дверь, но обернулся на пороге.

— И ещё. Когда ты знаешь, что права, ты до сих пор начинаешь говорить быстрее.

— Это не преступление.

— Нет. Просто я это помню.

Он ушёл. Алиса осталась над папкой и обнаружила, что улыбается. Потом увидела на верхнем листе фамилию Павла Березина, убрала бумаги в папку и застегнула её. Но Андреево «я помню» продолжало звучать в голове.

Кирилл встретил её в студии вопросом о том, действительно ли Левицкий ведёт обследование лично. Алиса передала список нужных документов и сообщила, что Андрей собирается официально раскрыть историю прежней совместной работы. Партнёр некоторое время просматривал список, потом отложил его, словно название фирмы в верхней строке имело больший вес, чем все пункты ниже.

— Он не должен снова заставить тебя оправдываться за старую историю, — сказал Кирилл.

— Я не собираюсь оправдываться. Но мне придётся отвечать за собственные действия, Кирилл. Не за его воспоминания и не за твои.

— Вот и хорошо. На Доме искусств нам обоим досталось больше, чем мы заслуживали.

В его голосе прозвучала знакомая мягкость. Алиса поверила бы ей безоговорочно ещё неделю назад; сегодня ей хотелось, чтобы Кирилл меньше успокаивал и больше спрашивал, каких именно документов недостаёт. Ей было неприятно собственное раздражение, но она всё же попросила переслать Елене весь архив переписки с подрядчиком, включая письма, которые уходили не через её адрес.

— Конечно, — сказал Кирилл. — Зачем только устраивать охоту за каждым сообщением?

— Потому что кто-то приложил мою фамилию к документу, которого я не подписывала.

Он посмотрел на неё долго, затем согласился. Она вышла прежде, чем он успел предложить ей взять выходной.

Инга позвонила вечером. Подруга, организовывавшая выставки и мероприятия, обычно начинала разговор шуткой и только после третьей минуты выясняла, всё ли с Алисой в порядке. Сегодня она обошлась без предисловий: «Тебя показывают в новостях. Ты спала хоть сколько-нибудь?» Алиса сказала, что с Павлом пока стабильная ситуация, и после паузы добавила, что видела Андрея.

— Левицкого? — уточнила Инга. — Вселенная решила, что одной катастрофы тебе мало?

— Его пригласили как инженера. Он работал. Мы почти не говорили о прошлом.

— «Почти» — слово, которое ты используешь, когда пытаешься мне соврать.

Алиса рассмеялась, хотя не собиралась. Рассказала о рукопожатии, о том, как Андрей назвал её «Воронова», и о нелепом замечании насчёт её быстрой речи. Инга послушала и не стала советовать ни немедленно забыть его, ни немедленно позвонить. Лишь напомнила, что встреча с бывшим возлюбленным не делает менее серьёзной нынешнюю работу и что ей, Алисе, всё же следует поужинать.

— Ты всё ещё чувствуешь к нему что-то? — спросила подруга перед тем, как отключиться.

Алиса посмотрела на тёмное окно кабинета.

— Не знаю. Сегодня я больше всего хотела, чтобы он меня не узнал. А потом почему-то обиделась бы, если бы так случилось.

— Вот это уже похоже на правду. Съешь что-нибудь.

Дома Алиса заказала ужин и свела в одну хронологию полученные монтажные фотографии, собственные замечания и сведения об отсутствующих подтверждениях. Она сделала это для Елены и для отдельного адвоката, с которым договорилась встретиться на следующий день. К десяти вечера таблица была готова, но закрыть ноутбук она не успела: на телефон пришло сообщение с незнакомого номера.

«Алиса, это Андрей Левицкий. Контакт передал представитель заказчика. Завтра направим официальный запрос исходных планов. Хотел предупредить, чтобы ты успела подготовить доступные версии».

Она ответила: «Получила. Через заказчика направим зарегистрированный комплект». Через минуту пришло второе сообщение: «И я не хочу, чтобы наша встреча выглядела попыткой вернуться к старому спору. Сейчас я здесь по работе».

Алиса долго смотрела на слова. Ей хотелось спросить, неужели он может отделить работу от всего, что было между ними, простым «сейчас». Но в соседней комнате лежала папка с чужой подписью, а в больнице после операции приходил в себя Павел Березин. Алиса набрала короткое «Понимаю», положила телефон экраном вниз и впервые за день открыла доставленный ужин, пока он ещё оставался тёплым.

Глава 3. Чужая подпись

В среду Алиса приехала к Виктору Мельникову раньше назначенного времени и десять минут сидела в машине под дождём, с папкой на коленях. Вчера вечером она разложила переписку по датам, но теперь всё равно казалось, что документы перепутаны. Человек, впервые увидевший эту историю, мог решить, что она сначала согласовала перенос подвесов, а потом, испугавшись последствий, начала писать возражения. Подлинные письма говорили об обратном. И всё же в нижнем углу спорного листа стояла подпись, от которой у Алисы сводило пальцы: знакомый наклон, петля первой буквы, привычный длинный штрих.

Она не собиралась убеждать адвоката в собственной честности. Ей нужен был способ установить, откуда взялась бумага. В зеркале заднего вида Алиса увидела женщину с влажными волосами и напряжённым лицом и с досадой подумала, что за два дня научилась смотреть на себя чужими глазами. Вчера она ещё была архитектором, чьё имя стояло под реставрацией «Атриума»; теперь незнакомые люди могли произнести то же имя, указывая на документ, которого она никогда не подписывала.

Кабинет Мельникова находился на втором этаже старого дома. Адвокат не предложил ни кофе, ни поспешных заверений, что всё обойдётся. Он прочитал первое письмо Алисы об изменённых точках подвеса, затем утреннее требование не эксплуатировать систему без проверки, потом положил рядом скан согласования. За окном дождь стучал по металлическому козырьку; эти короткие удары помогали Алисе не заполнять каждую паузу собственными объяснениями.

— Давайте начнём с самого неприятного, — сказал он. — Вы подтверждаете, что не подписывали этот лист ни в окончательном, ни в промежуточном виде?

— Подтверждаю. Я вообще не получала полного расчёта изменённого решения. Без него не могла снять замечания.

— Это ваша позиция. Теперь нам нужны независимые от памяти признаки того, что происходило с документом. Бумажный оригинал существует?

— Нам прислали только скан. После аварии.

— Кто прислал?

— Подрядчик, на общий адрес студии. Откуда получил его сам отправитель — неизвестно.

Мельников подчеркнул в блокноте слово «неизвестно» и попросил Алису не пытаться заменить его догадками. По копии нельзя было уверенно установить, кто нанёс подпись и каким способом; похожий росчерк мог быть исполнен на бумаге, вставлен в файл изображением или перенесён при подготовке другой редакции. Даже отсутствие бумажного оригинала само по себе не доказывало фальсификации. Нужны были исходные файлы, история их передачи и объяснения тех, кто формировал пакет.

— Но если я уверена, что подпись не моя? — спросила Алиса. — Я ведь не обязана соглашаться с чужим документом, пока кто-нибудь не проведёт экспертизу.

— Не обязаны. Мы отдельно зафиксируем, что вы его не подписывали и согласования не давали. Только не будем писать, будто уже установили способ подделки или назвали виновного. Сильная позиция начинается там, где человек не преувеличивает даже то, в чём совершенно уверен.

Она вспомнила, как в понедельник один из представителей подрядчика говорил об ошибке техника, ещё не имея ни схемы движения персонала, ни результатов обследования. Ему хватило одной удобной версии. Алиса вдруг представила, насколько легко сейчас поступить так же, выбрав фамилию человека, который ей неприятен, и объявив историю законченной. Особенно хотелось думать о Кирилле: он стремился согласовать ответы студии, прежде

чем все факты будут собраны. Но именно Кирилл много лет учил её не делать выводов по чужому пересказу.

— Елена Ракитина предложила мне обратиться к вам лично, — сказала она. — Я совладелец студии. У нас могут оказаться разные интересы?

— Могут. Студии важно сохранить договоры и репутацию, а вам — не отвечать за решение, которого вы не принимали. Пока это не конфликт. Но я не хочу, чтобы в важный момент кто-то говорил от вашего имени лишь потому, что вы привыкли решать вопросы вместе.

Мельников составил короткий перечень действий: сохранить письма в первоначальном виде, запросить через Елену оригинал спорного листа и цепочку его получения, отдельно описать собственные действия с указанием подтверждающих документов. Он предупредил, что технические причины разрушения должна устанавливать инженерная группа, а его работа начинается с других вопросов. Алиса впервые с момента аварии не почувствовала себя человеком, от которого требуют одним ответом объяснить всю катастрофу.

— И ещё, — сказал он, когда она уже складывала бумаги. — Не стоит идти к подрядчику и пытаться вынудить кого-то признаться. Вы рискуете получить разговор, который каждый потом перескажет по-своему.

— Я как раз об этом думала.

— Тогда мы вовремя познакомились.

Она улыбнулась. Мельников не был человеком, рядом с которым проблемы становились меньше. Рядом с ним они получали границы — а это уже помогало не утонуть.

У выхода из офиса Алиса увидела пропущенный звонок Инги. Инга ответила после первого гудка, и вместо привычного «как ты?» спросила, успела ли Алиса сегодня поесть. Алиса честно призналась, что нет. Инга велела ей купить что-нибудь горячее, пообещала заехать в выходные и, не давая возразить, сообщила, что заказчик только что потребовал разместить двести гостей в зале на сто двадцать человек.

— Я объяснила, что складывать людей вдвое мы пока не научились, — сказала она. — У нас ещё много возможностей для развития, но этой нет.

Алиса засмеялась. В её собственном мире последние дни тоже не хватало места — только там пытались сложить в один документ разные решения, времена и ответственности. После разговора она зашла в пекарню, съела горячий сэндвич у окна и впервые открыла не новостную ленту, а сообщение Елены о Павле. Операция прошла без новых осложнений, но прогноз пока оставался осторожным. Жена, Наталья, попросила передавать официальную информацию через одного представителя театра: ей уже позвонили трое неизвестных людей с одинаковыми вопросами.

Алиса долго смотрела на экран. Она знала Павла только по рабочим совещаниям, помнила его быстрый шаг по боковому коридору и привычку проверять осветительные приборы по два раза. До понедельника она ни разу не спросила, есть ли у него семья. Теперь знала имя его шестилетней дочери Сони, но даже это знание казалось полученным слишком поздно. Она написала Елене: «Попроси Громова уточнить, кто общается с Натальей. Только без наших предложений от имени семьи. Пусть сначала скажет, что ей нужно».

В студии Роман Кудрявцев разложил входящую переписку по «Атриуму» на два экрана. На одном были письма, фактически сохранённые на сервере; на втором — регистрационная ведомость, которую сотрудникам присылали вместе с проектными материалами. В одной из старых строк значилось «Монтажная схема. Ведомость изменений. ТП-6». Роман ткнул в неё пальцем, затем открыл письмо той же даты. Внутри оказались два файла.

— По ведомости три вложения, по архиву два, — сказал он. — Я перепроверил, это не ошибка отображения. Возможно, ТП-6 прислали другим письмом или включили в общий архив, но здесь его нет.

— И мы пока не знаем, что в нём написано, — добавила Елена, предугадав вопрос Алисы. — Ссылка на название не доказывает, что существовал законченный расчёт. Не доказывает и обратного.

Роман показал служебную отметку о поступлении письма. Скан спорного согласования появился в общем почтовом ящике только после аварии, хотя напечатанная на листе дата относилась к более раннему периоду. Это тоже не устанавливало, когда документ был изготовлен; зато давало первую проверяемую точку его движения. Елена поручила сохранить исходные сообщения целиком, с техническими заголовками, и запросила у подрядчика редакции ТП-6, бумажный оригинал согласования и список всех адресатов.

Алиса внимательно перечитала прежние ответы подрядчика. В одном из них после даты, напечатанной на спорном листе, по-прежнему значилось: «Вопрос согласования изменения решается». Если решение якобы уже было принято без замечаний, почему участники продолжали писать о нём как об открытом? Возможно, речь шла о разных редакциях, а возможно, кто-то позже собрал документы так, чтобы они выглядели последовательнее, чем была сама работа. Ни на один из этих вопросов нельзя было ответить без исходных файлов.

— Я хочу, чтобы отдельно сохранили и мои письма, — сказала она. — Не только последние предупреждения. Все, начиная с первого замечания.

— Сделаем, — ответил Роман. — Но доступ к папке лучше ограничить: любой случайный перенос файла сейчас породит ещё один вопрос.

Елена повернулась к Алисе.

— По линии студии запросы идут через меня. О личном непризнании подписи Мельников готовит отдельный документ. Мы не смешиваем их, хорошо?

— Хорошо. И если получим новую редакцию ТП-6, я сначала сравню содержание с прежними замечаниями. Не хочу делать вид, будто название файла равняется решению.

В дверь заглянул Кирилл. Увидев два экрана и разложенные распечатки, он задержался на пороге, словно оценивал, сколько ещё времени займёт восстановление архива. Елена кратко объяснила, что найдено. Кирилл одобрил запрос оригиналов, но предложил прежде согласовать тон переписки с заказчиком: студии предстояло выполнять другие контракты, а ошибка в одном письме могла стоить им гораздо дороже, чем казалось сейчас.

— Мы не предъявляем обвинений, — ответила Алиса. — Только просим материалы, на которые ссылается подрядчик.

— Я именно об этом и прошу, — сказал Кирилл. — Не превращайте недостающий файл в доказательство чужого умысла.

Его осторожность звучала разумно, но Алиса заметила, что он так и не спросил, отчего в официальной ведомости значится третье приложение, которого нет в архивном письме. Ей захотелось выяснить, видел ли он его сам. Кирилл ответил, что не помнит именно этого номера и проверит собственную папку; специализированные расчёты, добавил он, никогда не были его областью. Алиса не стала настаивать. Она давно знала, как легко отойти от конкретного вопроса к совершенно верному объяснению распределения обязанностей.

Когда Кирилл ушёл, Елена закрыла переговорную изнутри.

— Не делай выводов из интонаций, — сказала она тихо. — Ни хороших, ни плохих. Я запрошу и его переписку в рамках общего поиска. У нас должна быть одна проверяемая картина, а не пять личных версий.

Алиса хотела возразить, что именно так и думает, но промолчала. Она уже успела придумать Кириллу несколько мотивов, ни один из которых не могла подтвердить.

Вечером дома её ждал букет от Инги, оставленный консьержем: нежно-розовые розы, белые цветы и записка «Тебе нужен кто-то, кто не требует приложений к письмам». Алиса поставила букет в тяжёлую стеклянную вазу и разложила на столе чистый блокнот. В первой колонке написала то, что видела своими глазами, во второй — то, что слышала от других, в третьей — документы, которыми можно подтвердить каждую дату. Список быстро показал не только её правоту в отдельных вопросах, но и неприятные пробелы: например, она помнила устное заверение подрядчика, однако не могла назвать точный час разговора.

Она уже собиралась убрать бумаги, когда пришло сообщение Андрея. Завтра в одиннадцать команда обследования повторно сопоставит исходные проектные решения с монтажными схемами; приглашение заказчик отправит официально. «Если сможешь взять исходные чертежи, это поможет», — написал он. Алиса ответила, что будет, и несколько секунд смотрела на экран, прежде чем убрать телефон. Со вчерашнего дня она ждала от себя то раздражения, то тоски, но сейчас ощутила простую благодарность: Андрей не требовал ни оправданий, ни доверия на слово. Он собирался проверить то, что можно было проверить.

И всё же встречаться с ним завтра было страшнее, чем с любым адвокатом. На столе лежала папка с чужой подписью, а за её пределами существовала другая папка, которую Алиса двенадцать лет не открывала даже мысленно. Там не было подделанной подписи. Там был её собственный выбор, последствия которого она за двенадцать лет так и не научилась называть прямо. Она не позволила себе развивать эту мысль. Вместо этого дописала в блокноте дату завтрашнего осмотра и закрыла его: сегодняшний день дал ей достаточно правды, которую ещё предстояло выдержать.

Глава 4. Старые ошибки

В четверг у служебного входа «Атриума» двое рабочих снимали с фургона высокие стойки с искусственными ветвями. Флорист спорил с охраной, доказывая, что композиции заказаны на субботнее открытие и их всё равно придётся куда-то деть. На крыльце стояли ящики с декорациями, обмотанные плёнкой, и Алиса остановилась, глядя на эту странную подготовку к празднику, которого не будет. После трёх лет реставрации она знала каждый зал театра, но теперь ходила преимущественно по его служебным коридорам, за сплошными щитами временных ограждений.

Андрей и молодой инженер Даниил ждали её в малой переговорной. На столе лежали исходные чертежи, несколько монтажных редакций и фотографии, сделанные до падения конструкции. Технический директор Сергей Громов выглядел измождённым: телефон звонил без перерыва, и он просил собеседников либо говорить о фактах, либо перезвонить, когда факты появятся. Несколько минут они сопоставляли смещённые точки крепления с проектом; Андрей не пытался объяснить катастрофу по одной фотографии и не позволял другим делать это.

— Эти две точки перенесены, — сказала Алиса, показывая места на плане. — Здесь я запросила проверку фактических нагрузок. Не получила.

— А ваш лист с согласованием? — спросил Громов. — У подрядчика он проходит как закрытый вопрос.

Алиса почувствовала знакомый укол злости. Вопрос был понятным, но именно так бумага с чужим росчерком уже начала жить отдельно от человека, который якобы её подписал.

— Я этот лист не подписывала, — ответила она. — Подлинник и историю его подготовки запросила Елена. Пока у нас только скан.

— И по скану нельзя устанавливать происхождение подписи, — добавил Андрей. — Нам сейчас важно другое: было ли техническое обоснование изменённой конструкции и выполнены ли предусмотренные проверки. Это две самостоятельные задачи, их не нужно смешивать.

Она повернулась к нему. Двенадцать лет назад такая интонация казалась ей холодной, почти безжалостной. Теперь в ней было что-то успокаивающее: Андрей не пытался ни защитить её из личной привязанности, ни поставить под сомнение её слова. Он просто не давал чужой версии превратиться в установленный факт.

Из монтажной папки выпал лист с надписью «ТП-6». Алиса подняла его прежде, чем кто-то успел решить, будто нашлось недостающее приложение. Это был лишь лист реестра с перечнем документов; самого приложения по-прежнему не было. Даниил отметил расхождение, а Андрей попросил Громова обеспечить доступ к тем участкам, где ещё можно измерить расположение узлов без перемещения повреждённых элементов.

— Если материалы не найдутся сегодня, — сказал Громов, — нам придётся снова объясняться с заказчиком.

— Сегодня мы можем честно объяснить только то, что видели, — ответил Андрей. — Нельзя достроить недостающий расчёт догадками.

Работа продолжилась в зрительном зале. Под потолком висели защитные полотнища, часть кресел накрыли плёнкой, а там, где недавно проходила репетиция, стояли переносные ограждения. Алиса показала Даниилу предусмотренный проектом технический люк за деревянной облицовкой; он сделал фотографии, Андрей проверил безопасный маршрут для осмотра. Между ними на несколько минут возникло прежнее деловое понимание — то самое, ради которого двое разных специалистов могут полчаса спорить о деталях, а затем одновременно увидеть решение.

На обед они вышли втроём. Даниил почти не разговаривал, занятый мысленным списком замеров. Андрей принёс Алисе капучино без сахара, хотя она ничего не заказывала, и поставил рядом с её тарелкой так спокойно, будто делал это вчера, а не двенадцать лет назад.

— Ты помнишь? — спросила она.

— Некоторые привычки достаточно заметны.

— Особенно если человек любит давать на них заключения.

Андрей чуть улыбнулся.

— Я не выношу заключений по кофе. Только по несущим конструкциям.

Она тоже улыбнулась. В окне кафе отражались мокрые деревья и остановка, возле которой школьница поправляла младшему брату шарф. Алиса вспомнила совсем другое окно, старую лестницу и снег, падавший за стеклом так медленно, будто в тот вечер никто никуда не должен был спешить.

В октябре 2014 года Алисе было двадцать шесть. Она работала у Кирилла Савина, старалась не показывать, как боится каждого большого совещания, и любила Дом искусств до почти нелепой привязанности. Здание пережило переделки, от которых бывшая галерея потеряла свой строгий рисунок; за дешёвой обшивкой обнаруживались старые крепления, под поздней краской — живые цвета орнамента. Алиса могла часами рассматривать уцелевшие детали и испытывала профессиональную ревность ко всем, кто хотел решить дело быстрее.

Андрея Левицкого она впервые заметила в конце стола. Ему было тридцать три, он руководил инженерной группой и читал её предложения по восстановлению лестничного ограждения так внимательно, что Алиса заранее приготовилась защищать каждую строку. Когда он спросил, в какое основание будут крепиться новые стойки, она раздражённо указала на примечание о необходимости обследования скрытых узлов. Андрей вернулся к странице, кивнул и без попытки переубедить её попросил показать резервный вариант.

После совещания он догнал её у лестницы.

— Вы всегда так разговариваете с инженерами?

— Только с теми, кто начинает чтение с середины.

Он рассмеялся. У Алисы от неожиданности сбилось раздражение: человек, которого она уже успела записать в неприятные оппоненты, оказался способным признать чужую правоту без долгого церемониала. Они пожали руки — совершенно ненужно, потому что прекрасно знали имена друг друга, — и оба немного дольше положенного задержались у перил.

Потом были недели, составленные из совещаний и коротких случайных встреч. Андрей приносил замечания на чертежах, иногда вместе с бумажным пакетом с едой: Алиса забывала обедать, если находила в архиве интересный материал. Он казался серьёзным и даже суровым на людях, но наедине умел говорить вещи, после которых ей приходилось отворачиваться, чтобы скрыть улыбку. Она замечала, как он ищет её взглядом в пустеющем коридоре, и всё чаще оставалась на объекте дольше, чем требовали обязанности.

Однажды вечером она сидела в маленьком временном кабинете и спорила с реставратором по телефону об оттенке старой краски. Андрей появился на пороге с двумя сэндвичами, дождался конца разговора и спросил, есть ли у архитекторов профессиональное правило не есть после захода солнца. Алиса ответила, что правило есть, но сформулировано как «не давать инженерам повода читать нотации». Он положил перед ней пакет, придвинул стул и вдруг заговорил о собственном детстве. Впервые за вечер речь зашла не о строительстве.

Она запомнила не сам рассказ, а чувство, которое возникло рядом с ним. Обычно в компании Алиса старалась быть остроумнее, компетентнее, убедительнее; ей хотелось доказать, что двадцать шесть лет — не слишком мало для большой ответственности. С Андреем её смелость постепенно становилась другой: она могла сказать «я не знаю» и не бояться, что её перестанут уважать. Позже именно это воспоминание будет причинять ей боль. Она узнает, как

легко человек, говоривший правду без усилия в одном вопросе, может выбрать молчание в другом.

Во вторник, двадцать пятого ноября, выпал первый настоящий снег. Алиса проверяла размещение настенных светильников у галереи, когда Андрей подошёл и остановился у окна. На улице медленно белел внутренний двор; в здании уже было почти пусто, только где-то внизу скрипела тележка строителей. Он смотрел не на чертёж в её руках, а на неё саму, и Алиса, почувствовав этот взгляд, вдруг перестала притворяться, будто занята работой.

— Ты собираешься сказать что-нибудь о светильниках? — спросила она.

— Нет. Я собираюсь пригласить тебя на ужин.

— Это потребует отдельного согласования?

— Надеюсь, нет. Хотя с тобой никогда нельзя быть уверенным.

Она улыбнулась и опустила чертёж.

— А если я соглашусь?

— Тогда я буду очень рад. И постараюсь не выглядеть слишком довольным собой.

Несколько секунд они молчали. Андрей подошёл ближе; Алиса видела на его тёмном пальто маленькую светлую нить и слышала, как за окном ветер подталкивает снег к стеклу. Всё, что между ними происходило последние недели, будто наконец получило право на существование. Он осторожно коснулся её щеки, она сама сделала последний шаг, и они поцеловались у окна старой лестницы.

Поцелуй был тёплым, немного неловким. Алиса не помнила потом, сколько он длился, зато помнила, что Андрей отступил всего на несколько сантиметров, посмотрел на неё с откровенным удивлением и тихо засмеялся. У неё тоже вырвался смех — от облегчения, от слишком долгого ожидания, от внезапной уверенности, что теперь всё будет просто. Она положила ладонь ему на грудь и почувствовала, как быстро бьётся его сердце.

— Я давно хотела, чтобы ты это сделал, — призналась она.

— Я боялся показаться самоуверенным.

— У тебя плохо получилось.

Он поцеловал её снова. Потом вспомнил о поездке на другой объект: в среду ему нужно было уехать и вернуться только в пятницу. Они назначили ужин на субботу, обменялись короткими сообщениями уже после того, как разъехались по домам, и Алиса всю ночь просыпалась от приятной мысли, что на этот раз никто ничего не придумал. У них действительно что-то началось.

В пятницу Андрей вернулся раньше, чем обещал. Алиса увидела его у верхней галереи с папкой в руках и сразу поняла, что случилось нечто серьёзное. Он говорил с подрядчиком негромко, но голос был напряжён. Тот показывал на смонтированные элементы и повторял, что все договорённости уже достигнуты; Андрей требовал подтверждения расчётов и независимого контроля, которых, судя по разговору, никто не предъявил.

— Ты уже здесь, — сказала Алиса, когда представитель подрядчика ушёл.

Андрей повернулся к ней. От радостного лица человека, который целовал её у окна три дня назад, не осталось ничего, кроме усталых глаз.

— Пришлось приехать. С галереей серьёзная проблема. То, что нам показывали, не совпадает с тем, что сделали на объекте.

— Насколько серьёзная?

— Настолько, что я не хочу, чтобы кто-то пользовался этим участком до проверки. Я оформлю замечания письменно.

Она хотела спросить про ужин, про их обещанную субботу, но вопрос показался сейчас неприличным. Андрей уже отвернулся к чертежам, а Алиса осталась рядом и впервые почувствовала, как легко личное счастье может помешать услышать неприятное профессиональное

предупреждение. В тот день ей казалось, что ещё всё можно исправить простым разговором. До настоящего выбора оставалось совсем немного времени.

— Алиса?

Она подняла голову. Кафе за окном было прежним, снег сменился дождём, а перед ней сидел Андрей сорока пяти лет, которому уже не нужно было доказывать свою серьёзность. Даниил ушёл оплачивать обед; на столе оставались пустые чашки и забытая салфетка с нарисованной им маленькой схемой.

— Ты задумалась, — сказал Андрей.

— Вспомнила Дом искусств.

Он медленно опустил взгляд к чашке.

— Я тоже иногда вспоминаю.

— Не уверена, что это хорошие воспоминания.

— Не все, — согласился он. — Но хорошие были.

Алиса едва заметно кивнула. Она не собиралась сейчас выяснять, что именно осталось для него хорошим, а что стало невозвратимым. В театре ждали новые измерения, в больнице после операции приходил в себя Павел, и даже их общее прошлое не давало права останавливать работу. И всё же они вышли из кафе рядом, под один широкий зонт Андрея, и впервые за двенадцать лет короткий путь по мокрому тротуару не показался ей сплошным испытанием.

До вечера инженеры успели зафиксировать доступные узлы и перечень отсутствующих подтверждений. Даниил указал, что зона ограждения на плане не совпадает с одним из служебных проходов; Громов обещал проверить, как фактически организовали доступ в день происшествия. Андрей остановил разговор, когда кто-то попытался сделать из этого вывод о действиях Павла: маршрут ещё только устанавливался. Перед уходом Алиса и Андрей остались у стола с документами вдвоём.

— Береги себя, — сказал он.

— Это ты умеешь говорить по-прежнему, — ответила она прежде, чем успела остановиться.

Он посмотрел на неё с такой неожиданной усталостью, что Алиса пожалела о колкости. Но Андрей не стал оправдываться.

— Я знаю, что одних слов недостаточно.

Они разошлись у лестницы. Алиса ещё несколько минут стояла возле двери, где за годы реставрации заново открыли старое деревянное полотно. Она помнила человека, который однажды принёс ей ужин в бумажном пакете, и человека, с которым после падения галереи не могла говорить. Оба были Андреем. И если между ними вообще возможно было новое знакомство, оно должно было начаться с признания этого простого, неприятного обстоятельства.

В пятницу утром Сергей Громов попросил Алису приехать в «Атриум». Жена Павла, Наталья, собиралась забрать его личные вещи; он хотел, чтобы рядом оказался кто-то из тех, кто занимался реконструкцией. Алиса сначала не поняла зачем. Но Громов объяснил, что Наталья уже слышала от журналистов версии о неосторожности мужа и хочет поговорить с людьми, которым известно о существовавших до аварии замечаниях.

— Ей нужна информация, а не комиссия по расследованию, — сказала Елена, когда Алиса пересказала звонок. — И лучше не обещай ничего от имени студии. Если Наталья задаст вопрос, на который у нас пока нет подтверждённого ответа, так и скажи.

У служебного входа дежурила журналистка. Увидев Алису, она спросила, правда ли, что архитекторы разрешили перенести подвесы. Алиса остановилась лишь настолько, чтобы ответить: «О происхождении спорного согласования пока нет проверенных сведений. Я не давала такого согласия». Она прошла внутрь прежде, чем последовал второй вопрос, но на лестнице

ещё слышала, как журналистка повторяет в диктофон последние слова. Алиса поняла: даже точная фраза, вынутая из разговора, может превратиться в удобную чужую версию.

Наталья Березина ждала в маленьком кабинете возле технической службы. На ней было серое пальто и кроссовки, явно надетые из практических соображений. На коленях лежал список вещей мужа; она проверяла его, держа карандаш так крепко, словно иначе не сможет удержать пальцы от дрожи. Громов подвинул коробку. Внутри лежали куртка, термос, книги и маленькая записная книжка, в которой Павел отмечал собственные дела.

— Рабочий фонарик пока остаётся у специалистов, — сказал Громов. — Он был с ним во время происшествия.

— Я понимаю, — ответила Наталья и взяла одну из книг. — Он её читает с весны. Всё обещал закончить, а до конца никак не дойдёт.

Она улыбнулась так быстро, что Алиса едва успела заметить это выражение. Наталья положила книгу обратно, закрыла ладонью помятую обложку и спросила без перехода:

— Вы знали, что с конструкцией что-то не так, до того как она упала?

Алиса могла бы перечислить даты писем и номера замечаний. Вместо этого сказала то, что Наталья действительно спрашивала:

— Я знала, что монтажную схему изменили, а проверку этих изменений документально не подтвердили. Я потребовала не использовать систему, пока не получим необходимые сведения. Но я не знала, что произойдёт разрушение, и пока не знаю, почему оно случилось.

— А Павел? — спросила Наталья. — Он что-то сделал не так? Мне уже два раза позвонили и осторожно намекнули, что он оказался не там, где должен был.

Громов побледнел.

— Наташа, он выполнял свою работу в доступной для персонала зоне. Мы пока восстанавливаем точный маршрут и расстановку ограждений, но у нас нет оснований возлагать на него вину за изменение конструкций.

— Тогда почему они так говорят?

Ни Алиса, ни Громов не могли ответить за людей, которым удобнее было обсуждать поведение пострадавшего, чем состояние тяжёлой конструкции над ним. Наталья опустила глаза. Она рассказала, что после операции Павел смог недолго говорить, спросил о Соне, затем начал извиняться: теперь жене придётся всё делать одной. Шестилетняя дочь ждала его на первом представлении, нарисовала театр с огромной лампой и повесила рисунок у папы в шкафчике. Наталья просила пока не снимать его — будто сохранённый рисунок мог помочь самому Павлу вернуться.

— Он всё время думает, что кого-то подвёл, — сказала она. — А мне нужно только, чтобы он смог ходить, чтобы Соня не боялась каждого звонка из больницы. Я не хочу слушать, что вы все сделали по инструкции. Я хочу знать, что произошло на самом деле.

Её слова были резкими, но Алиса не почувствовала в них несправедливости. За последние дни ей не раз хотелось объяснить, где кончались обязанности архитектора и начинались обязанности подрядчика. Все эти границы оставались существенными, только сейчас они не могли заменить Наталье ответа. Алиса не стала обещать, что виновный обязательно найдётся или что Павел непременно выздоровеет. Она предложила передать ей контакты специалистов, которые разъяснят вопросы лечения и документов, но только если сама Наталья этого пожелает.

— Вы думаете, мне нужны деньги? — резко спросила та.

— Нет. Я думаю, что вам приходится одной делать слишком много. Но я не знаю, что именно вам сейчас поможет.

Наталья посмотрела на неё внимательно; злость на мгновение исчезла, оставив одну усталость.

— Я тоже пока не знаю, — сказала она. — Только не принимайте решений за нас. И скажите, если появится хоть что-нибудь проверенное. Я не хочу узнавать о своём муже из новостей.

Алиса согласилась попросить театр наладить регулярную связь с семьёй, не обещая разглашать закрытые материалы. Они закончили собирать коробку. Один угол картона размок от случайно пролитой воды, и Наталья никак не могла поднять его, не прижав книгу к груди. В дверях появился Андрей с каской в руке. Он увидел коробку, остановился и спросил Наталью, не нужно ли помочь донести вещи до машины.

Она сначала посмотрела на него с недоверием — ещё один незнакомый мужчина из мира чертежей. Но Андрей не предложил объяснений, не назвал себя руководителем обследования и не сказал ничего о состоянии театра. Он просто подхватил коробку снизу и понёс её к выходу. У двери журналистка снова попыталась остановить Наталью. Андрей спокойно сказал, что проход нужно освободить, и не дал разговору начаться. Он сделал это так естественно, словно в его работе нашлось место и для такой простой ответственности.

У машины Наталья задержала Алису на секунду.

— Я сегодня была грубой. Простите.

— Вы не обязаны подбирать удобные слова для нас, — ответила Алиса.

— Всё равно не хочется, чтобы меня помнили только такой.

Алиса посмотрела на её руки, в которых лежала потрёпанная книга Павла.

— Я запомню, что вы пришли за его вещами и хотели знать правду.

Наталья кивнула, села за руль и долго не могла завести двигатель. Алиса видела сквозь стекло, как она пытается найти ключи в кармане, куда сама же положила их минуту назад. В этом маленьком беспомощном движении было больше о прошедшей неделе, чем во всех официальных письмах. Когда машина уехала, Алиса повернулась к Андрею.

— Спасибо.

— За коробку?

— Не только.

Он посмотрел на пустую парковку, потом снова на неё.

— Ей сейчас нужны ответы, которые мы пока не имеем права придумывать.

— Знаю. Но ты хотя бы не пытался произвести впечатление.

Андрей чуть приподнял бровь.

— С тяжёлой коробкой это было бы непросто.

Она невольно рассмеялась. Он ответил короткой улыбкой, и на мгновение между ними не осталось двенадцати лет обиды — только двое взрослых людей, которые только что увидели, как страшно бывает оказаться по другую сторону профессионального происшествия.

Позже подрядчик попытался получить доступ за ограждение, чтобы забрать часть инструментов. Громов отказал до согласования безопасного порядка выдачи; Андрей подтвердил, что перемещение вещей в повреждённой зоне без фиксации их положения может уничтожить сведения, необходимые обследованию. Алиса впервые за эти дни не стала участвовать в споре. Она вышла в коридор и позвонила Елене, чтобы попросить об одном конкретном деле: театр должен назначить человека, который будет своевременно сообщать Наталье проверенные сведения и отвечать на её практические вопросы, не связывая эту помощь с удобной для студии версией аварии.

После обеда Елена передала ей короткий ответ подрядчика: ТП-6 обещали найти к понедельнику. Подлинник спорного согласования не приложили. Алиса уже собиралась возмутиться очередной отсрочкой, но затем заметила на рабочем столе Романа две папки с одинаковым названием и разными датами. Ещё вчера она приняла бы это за обычный беспорядок. Теперь поняла, что любое «потом разберёмся» способно превратить историю документа в

неразрешимую путаницу. Она попросила Романа ничего не объединять и хранить каждую редакцию отдельно.

Кирилл позвонил ближе к вечеру. За день он успел поговорить с заказчиком, выяснить возможные страховые последствия и дважды услышать угрозу остановить выплаты по соседнему контракту. Он был уставшим и говорил без привычной твёрдости. Алиса рассказала ему о Наталье, о её просьбе не узнавать новости из прессы, и о том, что документы всё ещё не полны.

— Я хочу предложить семье помощь, — сказал Кирилл. — Без камер и без упоминания студии. Но нужно, чтобы это не выглядело признанием нашей ответственности до проверки.

— Сначала выясним, чего они сами хотят, — ответила Алиса. — И не будем использовать их беду, чтобы показать, какие мы хорошие.

— Согласен. Попроси Елену подготовить варианты, которые Наталья сможет принять или отклонить. Никаких условий.

Это был Кирилл, которого Алиса знала много лет: внимательный, умеющий считать деньги и одновременно замечать чужую беду. Она не хотела думать о нём как о человеке, способном сознательно скрыть важное. Но в последние дни привыкла бояться другой крайности — верить настолько, что больше не задаёшь вопросов. Оба чувства уживались в ней, не мешая друг другу, и от этого становилось тревожнее.

Вечером Инга настояла на ужине. Она жила над цветочным магазином, ругалась на заказчиков, которые пытались втиснуть слишком много гостей в маленькие залы, и умела готовить пасту, которую Алиса всегда ела с неожиданным аппетитом. Сегодня у неё были ещё шоколадный десерт и решительное намерение не обсуждать ни одного технического приложения. Алиса выдержала ровно десять минут, а потом рассказала о Наталье — коротко, не повторяя чужих слов, которые не принадлежали ей для пересказа.

Инга поставила вилку.

— А как Андрей?

— Что именно «как»?

— Не притворяйся. Ты говоришь о нём иначе, чем год назад. Тогда у тебя даже голос менялся, когда я произносила его фамилию.

Алиса хотела отмахнуться, но вспомнила, как он без лишних слов взял коробку у Натальи, как не дал журналистке превратить разговор в допрос, как отказался делать вывод о Павле без доказательств. Ничего из этого не могло исправить историю Дома искусств. И всё же она вдруг поняла, что много лет хранила в памяти не человека, а последнюю болезненную версию их отношений.

— Я видела, как он ведёт себя, когда не нужно никому нравиться, — сказала она. — И мне понравилось.

Инга внимательно посмотрела на неё.

— Это не значит, что всё старое стало неправдой.

— Я знаю.

— Тогда не торопись ни прощать, ни снова осуждать. Узнай, какой он теперь. Может оказаться, что это важнее того, что тебе двенадцать лет казалось окончательным ответом.

Алиса не сказала подруге, сколько всего о давней истории та не знает. Она вдруг представила, как Инга слушала бы её, если бы узнала всю правду, и впервые усомнилась, что сумела бы выдержать этот взгляд. Вместо признания она предложила помочь убрать со стола. Инга не стала настаивать; в этом тоже была дружба — в способности заметить чужое молчание и не превратить его в обязанность исповедоваться немедленно.

Дома Алиса не включила ноутбук. На кухне стояли цветы от Инги, в раковине осталась утренняя чашка, а в телефоне — сообщение о завтрашней встрече с инженерами, которую назначили на субботу. Она собиралась привезти недостающие планы и взять не весь архив:

лишь то, что действительно потребуется. Перед сном добавила в список дел «купить кофе». Подумала, что Андрей когда-то любил крепкий чёрный без сахара, и раздражённо усмехнулась собственной памяти.

Он мог измениться. Она тоже изменилась. Но завтра, прежде чем решать, можно ли снова позволить себе что-нибудь личное, ей всё равно придётся открыть рабочую папку и спросить, где тот расчёт, которого не было вчера. Алиса выключила свет, оставив на столе короткий список. Впервые за неделю она не стала дописывать к нему ещё десять пунктов, будто подробный план способен защитить от любой ошибки. Иногда достаточно было просто прийти, увидеть человека и не прятаться за привычной уверенностью.

Глава 5. Первое сомнение

В субботу утром Алиса купила два кофе на вынос и пакет круассанов. Пока девушка за стойкой подписывала стаканы, она достала телефон и ещё раз открыла письмо Елены: в системе заказчика нашлись отметки о поступлении предупреждения по изменённым подвесам. Но отметка о доставке ещё не означала, что адресат прочитал документ, а регистрация — что выполнил требование. За эти дни Алиса успела научиться не радоваться доказательствам раньше времени.

Она попросила приготовить один кофе без сахара и только потом заметила, что выбирает его по привычке двенадцатилетней давности. Андрей тогда мог забыть поесть, задержаться до ночи у расчётов и раздражённо отвергать любые попытки отвлечь его, но неизменно помнил, что Алиса не любила стоять в холодных помещениях и носила в сумке запасные перчатки. От этих воспоминаний было неловко. За прошедшие годы она перестала знать о нём почти всё; странно было надеяться, что вкус кофе остался прежним.

У служебного входа в «Атриум» висела бумага с красной надписью о запрете доступа. За дверью было тихо, как бывает в здании, где внезапно отменили обычный порядок жизни: горели дежурные лампы, пахло свежевымытым камнем, где-то на верхнем этаже глухо стукнула створка. Сергей Громов встретил её возле лестницы. Он выглядел так, будто за несколько ночей разучился спать.

— Павел? — спросила Алиса.

— После операции состояние стабильное. Наталья вчера звонила сама. Просила передать, что Соня передала отцу рисунок, — ответил Громов. — И ещё подрядчик с утра просит пустить его за инструментами. Словно если написать «на пять минут», опасность на это время исчезнет.

— Не пускай, пока не будет безопасного порядка доступа.

— Уже отказал. Просто утомительно повторять людям одно и то же.

В рабочей комнате Андрей, Егор и молодой инженер Даниил Серов раскладывали на столе снимки подвесов. Алиса поставила кофе рядом с папкой, и Егор немедленно заявил, что это первое технически безупречное решение за последние сутки. Андрей взял стакан, посмотрел на пометку и слегка улыбнулся.

— Всё ещё без сахара? — спросила она.

— Да. Некоторые изменения происходят слишком медленно, чтобы на них рассчитывать.

— Хорошо, что я не купила тебе десерт вместо кофе.

— Десерт мог бы тоже пригодиться. Но лучше держать его подальше от чертежей.

Андрей развернул два разреза и попросил Алису объяснить высотные отметки. В одной схеме их отсчитывали от чистого пола, в другой — от строительной отметки. Прямое наложение чертежей создавало ложное смещение, а реальное изменение соседнего узла, наоборот, терялось среди похожих цифр. Даниил внимательно записывал её пояснения.

— Значит, по геометрии мы пока можем говорить только о расхождениях между редакциями? — уточнил он.

— И о том, какие исходные данные ещё нужно получить, — ответил Андрей. — Не надо превращать неполную таблицу в готовую причину аварии.

Алиса наблюдала за Андреем. Прежде он редко терпел возражения; теперь дважды попросил Даниила проверить собственную трактовку, а замечание Егора принял без раздражения. От этого было непривычно: тот же человек, та же требовательность, но ему больше не требовалось выигрывать каждую реплику.

Из коридора донёсся повышенный голос. Подрядчик прислал сотрудника требовать доступ к помещению над сценой: там оставалось оборудование, нужное на другом объекте. Гро-

мов вошёл, попросил инженеров изложить условия письменно. Егор уже поднялся, но Андрей остановил его жестом.

— Сначала перечень вещей и точное место, где они находятся. Потом отдельное решение о безопасном доступе. До этого никто туда не идёт.

— Он говорит, что всё знает и пробудет две минуты, — сообщил Громов.

— Павел тоже знал свой участок, — тихо произнесла Алиса.

Несколько секунд никто не ответил. Андрей не стал произносить ничего утешительного. Он повторил Громову порядок действий, помог сформулировать отказ, и сотрудник службы эксплуатации ушёл с ним разбираться. Алиса осталась у стола, где Даниил изучал старую экспликацию помещений.

— Можно спросить не по делу? — сказал он, когда шаги стихли. — Почему вы вообще занимаетесь реставрацией? Это ведь бесконечные ограничения.

— Иногда и мне так кажется, — призналась Алиса. — Но у старого здания уже есть характер. Прежде чем убрать неровную стену, полезно разобраться, почему она стоит именно там. Иногда это ошибка строителей. А иногда единственное, что рассказывает о доме больше всех поздних переделок.

— Вы хотите сохранить всё?

— Нет. Я хочу понять, что именно мы уничтожим, если решим, что оно мешает.

Он кивнул и вернулся к схеме. Даниил был младше её лет на двенадцать; Алиса вдруг узнала в его внимательности себя прежнюю — ту, которая верила, будто тщательно заданный вопрос способен предотвратить любую беду. Теперь она знала, что это не всегда так. Но и отказываться задавать вопросы не собиралась.

К часу пришла выгрузка, обещанная Еленой. Алиса открыла таблицу на отдельном экране, объяснив инженерам её происхождение: сведения о движении служебного предупреждения, а не юридическое заключение. Один адресат значился как получивший письмо, другой — как зарегистрировавший его в подразделении. В собственном архиве студии сохранился исходный текст: Алиса требовала не допускать эксплуатацию изменённого подвеса до проверки фактических нагрузок и подтверждения выполненного монтажа. По состоянию на день аварии ответа о завершении проверки у неё не было.

Егор сопоставил номера с журналом технического заказчика. Время совпадало. Даниил вывел на экран сопроводительное письмо, и Андрей долго изучал его, не торопясь с выводом. Затем попросил Алису закрыть личные пояснения к переписке: инженерной группе пока следовало работать с технической частью и подтверждёнными данными о регистрации.

— Получается, замечание поступило до аварии и не пропало по дороге, — сказал Егор.

— Поступило в систему, — поправил Андрей. — Кто прочёл его целиком, какие решения принимал и почему не выполнили проверку — отдельные вопросы. Но называть письмо просто формальной перестраховкой теперь нельзя.

Алиса медленно выдохнула. Она уже не раз рассказывала всем, кто готов был слушать, что не принимала изменений без расчётов. Теперь перед ними лежал след, оставшийся независимо от того, нравилась ли кому-нибудь её версия событий. Этот след не оправдывал её автоматически. Зато делал невозможным одно из самых удобных объяснений: будто тревогу об опасном решении придумали лишь после падения оборудования.

— Я не прошу вас записать, что была права, — произнесла она. — Мне нужно, чтобы было ясно: сомнение возникло заранее. И его не сняли.

— Именно это мы и зафиксируем, — ответил Андрей. — С указанием источника и ограничений проверки.

Они ещё какое-то время сверяли даты. Потом Егор увёл Даниила за журналом у Громова, и на столе остались лишь два стакана, выдохшиеся за утро, и несколько страниц с красными пометками. Алиса собиралась открыть следующую схему, когда Андрей отложил ручку.

— Я хочу перед тобой извиниться.

Она посмотрела на него настороженно. За эти дни они произнесли десятки официальных фраз и лишь несколько личных. Последние всегда оказывались труднее первых.

— За что именно?

— Во вторник я спросил о твоих предупреждениях так, будто ты пытаешься придать им значение задним числом. Не сказал этого вслух, но у тебя были все основания так услышать. Я не должен был смешивать сомнения по техническим документам с тем, что помню о нас.

Алиса не ожидала такой точности. Удобнее было бы получить общее «прости за резкость» и столь же общее право ответить «ничего страшного». Но он назвал поступок, которому трудно подобрать красивое оправдание. Именно поэтому ей не захотелось облегчать ему разговор.

— Мне казалось, ты видишь во мне человека, однажды уже подвёвшего тебя, — сказала она. — А потом всё, что я приношу, читаешь через эту память. Я и сама тебе не всегда доверяю, Андрей. Но Павел лежит в больнице не из-за нашей ссоры двенадцать лет назад.

— Знаю. И это моя ошибка.

— Не жду, что после этого ты станешь на мою сторону. Мне нужна честная проверка. Даже если она покажет вещи, которые мне не понравятся.

Он кивнул, не спеша принимать её слова за прощение. У Алисы защемило под рёбрами от неожиданного желания рассказать ему всё о 2014 годе: как она получила его предупреждение, как передала Кириллу и что сказала комиссии позже. Но признание, сделанное в углу рабочей комнаты между двумя техническими таблицами, показалось бы ещё одной попыткой избавиться от тяжести, переложив её на Андрея. Она знала: прежде придётся поговорить с Мельниковым и найти собственный письменный ответ, оставшийся в старой папке.

— Спасибо, что сказал, — произнесла она наконец.

— Не за что благодарить. Я должен был сделать это раньше.

В коридоре громко хлопнула дверь, заговорили возвращавшиеся коллеги. Они придвинули стулья к столу и снова стали инженером и архитектором, чьи вопросы требовали ответа. Однако что-то между ними изменилось, пусть и не настолько, чтобы назвать это новым началом.

Короткий перерыв устроили в комнате с электрическим чайником и скамьями у окна. Егор ушёл отвечать жене на звонок о школьных покупках, Даниил отправился за архивной ведомостью. Андрей разделил последний круассан пополам и вдруг указал на чайник, стоявший на подоконнике.

— У меня дома такой же. Покупал временно после переезда. Четыре года назад.

— Удивительно, как опасны временные решения, — заметила Алиса. — Ты всё ещё живёшь у набережной?

— Нет. Переехал после развода. Немного дальше от центра. В квартире много света и слишком мало стульев. Впрочем, чайник исправно работает, так что главная проблема решена.

Она опустила взгляд на надкушенный круассан. О его разводе она слышала от общих знакомых, не расспрашивая подробностей. Неловко было узнавать новую жизнь мужчины, которого когда-то знала наизусть в мелочах и почти не знала в главном.

— Значит, ты наконец признал, что не все решения бывают окончательными, — сказала она.

— Я до сих пор надеюсь найти убедительные доказательства обратного.

Он засмеялся, и Алиса поняла, что её память слишком долго хранила лишь выражение его лица в день их последней ссоры. Когда он улыбался, возле глаз появлялись знакомые складки, и хотелось спросить, где проходили его годы без неё, чего он боялся, что умел делать с радостью и что так и не научился говорить. Ничего этого она не спросила. Сегодня хватило

того, что они могли спокойно сидеть рядом, не делая вид, будто прошлое перестало существовать.

Даниил принёс ведомость; Егор вернулся с жалобой, что жена поручила ему купить дочери цветной картон, а ассортимент оказался сложнее всех инженерных расчётов. Они вернулись к работе. К вечеру составили перечень недостающих документов: проверка нагрузок по фактическому монтажу, исходные расчётные предпосылки, история редакций ТП-6. Отдельно записали, что происхождение листа с подписью Алисы требует документального, а возможно и экспертного исследования и не может устанавливаться впечатлением участников совещания.

В фойе, уже по дороге к выходу, Алиса остановилась у восстановленных деревянных дверей. Когда-то заказчик предлагал заменить их новыми — так было дешевле. Она настояла на реставрации, и теперь вдоль тёмной древесины проступала тонкая линия старого рисунка, прежде скрытого краской. Андрей догнал её у стеклянной створки.

— Красивые, — сказал он. — Помню, как ты за них боролась.

— Тогда я ещё думала, что можно спасти всё, если достаточно долго спорить.

— Двери ты спасла.

— Да. С ними повезло больше, чем с некоторыми другими вещами.

На стоянке уже ждали Егор и Даниил. Андрей попрощался с ними и задержался на ступеньке, придерживая под мышкой тонкую папку. Дождь перестал, но с реки тянуло холодом. Алиса застегнула пальто и вдруг поймала его взгляд — не рабочий, не настороженный.

— Что будешь делать завтра? — спросил он.

— Ничего героического. Возможно, разберу шкаф. А ты?

— Постараюсь не приезжать сюда. Хотя обещать не стану.

Она улыбнулась. Между ними лежало много невысказанного, и оба это знали. В начале недели Андрей наверняка протянул бы руку для делового прощания. Теперь его ладонь чуть поднялась к её локтю и замерла. Алиса могла сама сделать шаг, но тоже не сделала: ей было важно, чтобы осторожность не превратилась в ещё одну ложь, которую они потом назовут взаимным согласием.

— До свидания, Андрей.

— Хорошего выходного, Алиса.

Дома она увидела сообщение Елены: регистрация предупреждения подтверждена, дальнейший маршрут и решения адресатов предстоит выяснять отдельным запросом. Алиса ответила, что прочла, убрала телефон и некоторое время стояла посреди кухни, не включая света. За эту неделю она слишком много раз испытывала облегчение от найденной бумаги и слишком хорошо знала, что ни одна из них не вернёт Павлу здоровье.

Поздно вечером пришла фотография от Андрея: старый электрический чайник на его кухне, с подписью «Временное решение работает четвёртый год». Алиса рассмеялась и в ответ отправила снимок стопки книг возле кресла. «У меня временная система хранения того же возраста». Он написал: «Может, пора перестать считать всё временным?»

Она набрала ответ и стёрла его. В голове уже звучал другой разговор — тот, который она должна была начать сама и который не имел ничего общего с чайниками, шкафом или воскресеньем. Но Андрей не просил у неё обещаний, а она не хотела отвечать на предложение, которого он пока не делал.

«Начнём с выходных», — написала она.

«Справедливо. Спокойной ночи».

Алиса убрала телефон. К понедельнику тревога вернётся, и всё же завтра ей оставался день, которому никто пока не назначил тему. От этой простой мысли стало немного легче.

Глава 6. Не по работе

В воскресенье утром Алиса решила не открывать ноутбук. Она поставила вариться кофе, раздвинула шторы и обнаружила, что на стекле осталась вчерашняя полоска от дождя. На площади под окнами продавали поздние хризантемы и яблоки, возле пекарни женщина с ребёнком пыталась уговорить большого рыжего пса не заходить внутрь. Всё выглядело безнадёжно обычным; за эту неделю Алиса успела забыть, как приятно бывает смотреть на чужие дела и не искать в них ни причины, ни последствия.

На телефон пришло сообщение Андрея: «Помнишь кофейню у старой площади? Хочу проверить твоё утверждение, что там научились готовить кофе. В два часа, если свободна. Без чертежей». Алиса несколько секунд смотрела на экран и улыбалась. После вчерашнего разговора она ожидала чего угодно — очередного осторожного письма, тишины, предложения обсудить прошлое. Но не приглашения, в котором её ничто не обязывало быть архитектором, свидетелем или человеком, умеющим убедительно защищаться.

«Если кофе окажется плохим, ответственность на тебе», — ответила она.

«Принимаю. Экспертизу проводить не будем».

Алиса отложила телефон, но завтрак доела не сразу. В шкафу было слишком много одежды для переговоров и удивительно мало — для кофе с человеком, которого она не видела двенадцать лет. Она выбрала кремовый джемпер и тёмные брюки. Серёжки сначала надела, потом сняла, потом вернула на место. На работе Алиса принимала решения при двадцати свидетелях и не сомневалась в себе. Перед зеркалом, собираясь на встречу с Андреем, она дважды поправила воротник.

Андрей ждал под навесом у кофейни. Вместо строгой рубашки на нём была чёрная водолазка, вместо служебной папки — сложенный зонт. Когда он увидел Алису, его лицо изменилось так открыто, что она остановилась за два шага до него и успела подумать: раньше он улыбался ей именно так, не успевая заранее решить, стоит ли это делать.

— Привет. Ты красивая, — сказал он.

— А ты похож на человека, который сумел оставить работу дома. С трудом верится.

— Мне пришлось проверить карманы перед выходом.

Внутри кофейня изменилась. Двенадцать лет назад здесь стояли тяжёлые столы, от которых пахло полиролью, а бариста подавал кофе с таким видом, будто совершал исключительное одолжение. Теперь были светлые стены, оливковые диваны, небольшие медные лампы. Неизменной осталась только старая площадь за стеклом; по ней торопились люди, не подозревавшие, что для Алисы это место занимало совершенно непропорциональную площадь в памяти.

— Ты когда-то утверждала, что качество кофе здесь можно улучшить, не снося весь интерьер, — напомнил Андрей, разглядывая меню.

— Я много во что верила в двадцать шесть. Например, что хороший дизайн обязательно убеждает заказчика.

— Эта вера у тебя ещё сохранилась?

— Теперь она называется профессиональным упрямством.

Они заказали капучино, эспрессо и по десерту. Первые минуты приходилось намеренно говорить о мелочах: о новых книжных магазинах, о неудобных креслах в кино, о том, что Андрей иногда ходит на утренние показы старых фильмов и никогда не успевает к началу рекламы. Но вскоре разговор сам нашёл спокойный ритм. Алиса рассказывала о маленьком киноклубе, где смотрела французские картины без дубляжа; Андрей признался, что не понимает восторгов по поводу некоторых знаменитых концовок. Они поспорили так увлечённо, что оба забыли о том, как тщательно выбирали слова при встрече.

— И всё-таки ты не можешь оценивать каждого героя как инженера, который принял неверное техническое решение, — сказала Алиса.

— Почему? У них тоже бывают исходные данные, которые они упорно игнорируют.

— У людей, Андрей, есть чувства.

— Согласен. Из-за этого расчёт становится сложнее.

Она засмеялась. Его серьёзность теперь казалась не стеной, а способом поддразнить её. Когда официант принёс кофе, Андрей сделал глоток, помолчал и признал, что кофейня исправилась. Алиса величественно разрешила ему записать это в личный журнал достижений. Он посмотрел на неё поверх чашки — и в глазах его возникла такая тёплая, ничем не защищённая радость, что она отвела взгляд первой.

Андрей рассказал о фотографии. Несколько лет назад он стал выходить рано утром с камерой и снимать город до того, как на улицах появлялись машины. На экране телефона мелькнули лестницы с косым солнечным пятном, остановка в тумане, старая вывеска, снятая перед сносом магазина. Алиса задержалась на снимке узкого двора, где возле стены стоял велосипед, а всё пространство будто держалось на одном освещённом окне.

— Дай угадаю, ты ждал, пока все люди выйдут из кадра, — сказала она.

— Минут двадцать. Хозяин велосипеда всё собирался уезжать и никак не уезжал.

— И тебе не хотелось попросить его поторопиться?

— Хотелось. Но тогда получилась бы не та фотография.

Алиса ещё раз посмотрела на двор с велосипедом. Она помнила Андрея нетерпеливым: если человек мешал работе, он находил способ с ним договориться. А здесь Андрей двадцать минут ждал неизвестного велосипедиста ради одного кадра. Она задержалась над фотографией дольше, чем хотела показать.

— Красивый свет, — сказала она. — Будто за окном кто-то оставил дом для другого человека.

— Я тоже так подумал. Хотя внутри, возможно, просто забыли выключить лампу.

На улице похолодало. Они вышли из кофейни и пошли по старому кварталу, где маленькие мастерские соседствовали с антикварными лавками. Алиса задерживалась возле витрин, Андрей нетерпеливо оценивал прочность ножек старого стула, и она велела ему хотя бы один раз полюбоваться предметом, не составляя перечень дефектов. Он обещал попробовать, но продолжал рассматривать соединения. Алиса неожиданно осознала, насколько давно никто не ходил рядом с ней без необходимости успевать, решать и отчитываться.

Возле перекрёстка Андрей остановился у магазина старых фотографий. Хозяин — пожилой Николай Петрович — узнал его, пожал руку и пригласил посмотреть новую подборку городских снимков. На больших листах поблёскивали серебром улицы пятидесятых годов: трамвайные пути там, где теперь стояли автомобили, деревянные вывески, магазинные окна и прохожие, не знавшие, что через несколько десятилетий их город будет разглядывать совсем другая пара людей.

Алиса выбрала отпечаток улицы с трамваем. Ей понравилось, как женщина в светлом пальто обернулась на снимке, словно кто-то произнёс её имя. Пока Николай Петрович искал конверт, Андрей открыл другой альбом и вдруг перестал листать. Алиса увидела фотографию Дома искусств — ещё до всех его поздних переделок. На ступенях стояли люди в шляпах, молодые деревья не доходили до уровня первого этажа.

— Ты работала над этим зданием? — оживился хозяин. — У меня есть серия его старых видов.

— Да, — ответила Алиса. — Давно.

Андрей не взглянул на неё. Он рассматривал лестницу на фотографии Дома искусств. Алиса тоже узнала её — они когда-то сидели на этих ступенях с бумажными стаканами кофе,

пока подрядчик искал забытый комплект чертежей. Теперь она не знала, стоит ли напоминать ему об этом. Андрей закрыл альбом прежде, чем она решилась.

На улице она взяла у Андрея завернутый отпечаток. Он не стал спрашивать, что она помнит, и она была благодарна ему за право не произносить признание у витрины.

— Не всё в том проекте я хочу забыть, — сказала Алиса после нескольких кварталов.

— Я тоже, — ответил Андрей.

Этого оказалось достаточно, чтобы прогулка продолжилась. Они вышли к реке и остановились у парапета. Ноябрьский воздух был влажным, тёмная вода тянулась между берегами, у причала поскрипывали пустые лодки. Алиса думала, что ещё неделю назад не смогла бы провести с Андреем и десяти минут без скрытого спора о прошлом. Теперь она стояла рядом с ним, не ожидая нападения, и это неожиданно пугало сильнее привычной защиты.

— Зачем ты меня пригласил? — спросила она.

— Хотел тебя увидеть.

— Не за кофе отвечать?

— И за кофе тоже. Но сначала — тебя.

Он ответил не шуткой: после субботнего разговора ему захотелось снова увидеть её не за столом совещаний. Алиса обрадовалась, и почти сразу ей стало больно за двенадцать пропущенных лет. Она перевела взгляд на воду, чтобы он не заметил, как сильно задели её несколько простых слов.

— Я тоже хотела тебя увидеть, — призналась она. — И это совсем не облегчает мне работу.

— Работу я как раз должен обсудить, — сказал Андрей.

Она повернулась к нему. Было досадно слышать о театре именно сейчас, когда они наконец говорили без папки на столе. Однако он продолжил спокойно, без попытки перевести личное в официальное.

— Если мы будем встречаться, я не могу делать вид, что это не касается независимости моей группы по «Атриуму». Я уже сообщил о нашем прежнем знакомстве. Дальше придётся решить вопрос с участием фирмы отдельно. Иначе любые выводы станут уязвимы.

— Ты говоришь об этом, потому что хочешь уйти из обследования?

— Потому что не хочу однажды сказать тебе, что ситуация вынудила меня, хотя я сам всё понимал заранее.

Алиса опустила глаза на фотографию в конверте. Ей хотелось верить этому обещанию. Но пока он стоял рядом и ждал ответа, она могла только сжать край плотной бумаги пальцами.

— Сегодня мы всё-таки договорились без чертежей, — сказала она.

— Договорились. Дальше — только прогулка.

Возле парковки начался дождь. Андрей раскрыл зонт, Алиса подошла ближе; их плечи соприкоснулись, и на секунду оба замолчали. Он предложил встретиться во вторник вечером, уже не на кофе, а на настоящем ужине. Алиса подумала о недоделанных рабочих задачах, о старом Доме искусств, о будущем разговоре с адвокатом. И всё же ответ был совсем простым.

— Во вторник в семь. Только выбери ресторан, где не придётся разбираться с аварийными конструкциями.

— Постараюсь. За интерьер не отвечаю.

У её машины он задержал ладонь возле её руки и всё-таки слегка коснулся пальцев. Алиса ответила на прикосновение, но никто из них не сделал следующего шага. Расстояние между ними не исчезло; оно перестало быть пустотой, через которую невозможно перейти.

Дома Алиса поставила на полку отпечаток с трамваем. Он не подходил к новым рамам и гладким стенам квартиры, но теперь она не собиралась немедленно искать для него идеальное место. Было приятно, что в доме появилась вещь, выбранная не ради пользы и не ради законченности интерьера. Андрей написал, что добрался и прислал адрес ресторана. Она ответила:

«Учти, я придирчивый посетитель». Он написал: «Помню». И Алиса улыбнулась, не пытаясь объяснить самой себе, что это значит.

В понедельник утром её ждала другая реальность. Роман Кудрявцев обнаружил в архиве исходное письмо подрядчика, к которому предполагалось приложить ТП-6. В тексте значились три вложения. В самом сохранённом сообщении их было два. Роман стоял у стола с таким видом, будто собственными руками выдернул из конструкции несущий болт.

— Я зарегистрировал комплект, — сказал он. — Проверил, что файлы открываются, но не сверил количество с перечнем. Тогда шло сразу несколько крупных поступлений, я был уверен, что всё на месте.

— Ты должен был сверить, — ответила Алиса. — Это ошибка. Но сейчас нам важно восстановить, что именно пришло, а не придумать версию, которая тебе позволит лучше выглядеть.

Елена Ракитина уже подготовила копию с техническими сведениями о хранении письма. Она объяснила: отсутствие приложения в найденном сообщении нельзя превращать в доказательство того, что файл не поступал по другому каналу или в другое время. Именно поэтому надо сохранить оригинальный экземпляр, журналы загрузки и отдельно запросить у подрядчика подтверждение передачи каждой редакции.

— Они ссылаются на ТП-6 как на согласованный документ, — сказала Алиса. — Но у нас до сих пор нет его версии, на основании которой мог появиться лист с моей подписью.

— И нельзя исключать, что такая версия была, — ответила Елена. — Мы требуем её предъявить. Не называем подделкой то, что пока не исследовали.

За этим разговором Алиса вспомнила жест Андрея под зонтом. Ей хотелось бы сказать, что хотя бы в выходные можно оставлять тревогу снаружи. Но чужая подпись стояла в бумагах, связанных с аварией и травмой Павла, и не исчезала от того, что мужчина, которого она любила когда-то, снова захотел быть рядом. Она попросила Романа составить точный перечень найденного и передать его Елене, а сама пошла к Кириллу.

Савин встретил её с чашкой кофе у окна. На стене за его спиной висели фотографии объектов, которые они вели вдвоём. Алиса всегда чувствовала рядом с этими снимками благодарность: несколько лет назад Кирилл не побоялся сделать её партнёром. Сейчас ей было трудно поверить, что человек, научивший её отстаивать профессиональную позицию, всё чаще советует выбирать формулировки, которые будут наименее болезненны для студии.

— Роман допустил ошибку с комплектом, — сказала она. — Но это не объясняет, почему подрядчик показывает лист согласования без моего согласия.

— И не доказывает, что подрядчик что-то подделал, — ответил Кирилл. — Нам нужно защитить фирму от необоснованных обвинений. Ты же понимаешь, что заказчик видит: письмо мы приняли, комплект зарегистрировали, а теперь говорим, что не получили обязательное приложение.

— Я хочу, чтобы заказчик видел и другое: я письменно предупреждала об опасности. И до аварии не получила подтверждения выполненной проверки.

Кирилл потер переносицу. Он долго смотрел на неё, потом сказал мягче:

— Ты всегда считала, что настойчивости достаточно. Я не хочу, чтобы из-за этой истории ты разрушила то, что строила столько лет.

— А я не хочу удержать построенное ценой чужого молчания.

Она не ждала, что он согласится, и Кирилл действительно не согласился. Но не повысил голоса, попросил согласовывать официальные письма с Еленой и вновь пообещал запросить ТП-6. Выходя из его кабинета, Алиса понимала: их спор пока не о виновности, а о порядке действий. Кирилл смотрел на репутацию фирмы как на конструкцию, которую нельзя подвер-

гать лишней нагрузке. Алиса начинала бояться, что ради этой осторожности они снова пропустят настоящее повреждение.

Вечером она открыла шкаф и выбрала изумрудное платье. Выглядело оно почти вызывающе нарядно для вторника, проведённого среди писем и технических приложений. Алиса примерила другие вещи, вернулась к первому платью и закрыла дверцу. Ей не хотелось наряжаться как девушка из собственной памяти, которая двенадцать лет назад ждала от Андрея каждого сообщения. Хотелось понравиться ему такой, какой она стала.

Итальянский ресторан располагался в старом особняке на тихой улице. За окном светились мокрые деревья, в глубине зала негромко играли на пианино. Андрей ждал возле входа, и на секунду Алиса увидела на его лице не уверенность взрослого мужчины, а почти мальчишеское волнение. Он сделал шаг навстречу, посмотрел на её платье и не сразу нашёл слова.

— Ты очень красивая.

— У тебя сегодня что, запас комплиментов? В воскресенье уже был один.

— Этот другой. Более основательный.

Она рассмеялась, и оба перестали смущаться. Андрей предложил пасту и вспомнил обещание из 2014-го: отвести её в хороший итальянский ресторан, когда они закончат очередной бесконечный проект. Тогда вечер не состоялся. Теперь официант поставил перед ними тарелки, и Алиса подумала, что Андрей всё-таки помнил — хотя обещаний за эти годы у каждого накопилось достаточно.

Андрей рассказал, как в выходные помогал Егору с поездкой на детские соревнования. У Егора было двое детей, а способность сохранять самообладание в технической аварии совершенно не спасала его перед родителями на трибуне бассейна. Алиса представляла серьёзного Белова с кипой полотенец и пакетом детского печенья и смеялась искренне, без осторожности. Потом спросила:

— А у тебя есть дети?

— Нет. В браке мы с Марией несколько раз говорили об этом, но всё время откладывали, пока не стало ясно, что мы откладываем уже не только детей.

Он произнёс имя бывшей жены спокойно. Алиса знала о разводе, но услышать, как он говорит о совместной жизни с другой женщиной, оказалось неожиданно больно. Ей не хотелось ревновать к прошлому, на которое она не имела права, однако в ней шевельнулось досадное желание узнать, каким был он рядом с Марией. Спрашивать об этом из любопытства показалось нечестным.

— Вы давно расстались? — спросила она.

— Три года назад. Мы не ссорились каждый день. Наверное, в этом и была часть беды. Я мог неделями решать рабочие вопросы и считать, что дома всё хорошо, раз никто не требует от меня немедленного ответа.

Алиса замолчала. Она очень хорошо представляла, как можно жить с человеком и не замечать того, что он давно перестал задавать вопросы.

— Мария как-то сказала: я всегда понимаю, что нужно сделать, но не всегда замечаю, что чувствует человек рядом, — продолжил Андрей. — Сначала я обиделся. Потом понял, что она права не во всём, но в самом важном.

— А ты ей сказал об этом?

— Поздно.

Андрей не обвинял Марию и не пытался вызвать сочувствие. Он несколько раз останавливался посреди фразы, подыскивая слово, и Алиса не торопила его. Ей было важно услышать, что он понял о себе после развода, но совсем не хотелось превращаться в судью его бывшей жены.

— А ты? — спросил он. — За эти годы у тебя был кто-то, с кем ты хотела остаться?

Алиса подумала о нескольких отношениях, которые начинались с энтузиазма и заканчивались раздражением из-за её занятости. Она не была одинокой мученицей, верно ждавшей Андрея все двенадцать лет. Просто ни одна связь не превратилась в жизнь, за которую ей хотелось бороться при первом серьёзном несогласии.

— Были люди, с которыми мне было хорошо, — сказала она. — Но я привыкла решать всё сама. Иногда даже там, где меня никто об этом не просил. А когда человек хотел помочь, я слышала: он считает, что я не справлюсь.

— Я помню эту твою привычку.

— Тогда не было причин её любить.

— Я не сказал, что не любил.

Она посмотрела на него. За соседним столом молодая пара обсуждала отпуск, официант менял свечу, в стекле отражались листья мокрого дерева. Столько времени прошло, а одна его фраза всё ещё могла заставить Алису забыть, за чем она тянулась к чашке. Но теперь ей не хотелось прятаться в шутку.

— Мы не умеем говорить друг с другом о важном, — произнесла она. — И даже сейчас, когда пытаемся, я иногда жду, что ты опять решишь всё за нас обоих.

— А я боюсь, что любое слово о прошлом ты услышишь как обвинение.

— Может быть. Только молчание не делает прошлое менее настоящим.

Он кивнул. Алиса собиралась сказать о письме 2014 года, которое получила и скрыла от комиссии, — слова уже подступили к горлу. На столе стояли бокалы, официант зажигал свечу у соседей. Она решила, что не станет произносить признание между десертом и счётом. Но дома ей придётся достать из папки сами письма.

Они вернулись к обычным вещам: спорили об автомобильных привычках, о нелепых заказчиках, о том, почему Алиса способна выбрать оттенок штукатурки за минуту, а плед в собственную квартиру — за полгода. Не каждая следующая реплика становилась проверкой на доверие. В этом и заключалась редкая лёгкость вечера: взрослые люди могли рассказать неприятное и после этого ещё посмеяться над чужой шуткой.

Когда они вышли из ресторана, дождь уже закончился. На тротуаре отражались фонари; Алиса несла в руке маленький пакет с оставшимся десертом, который Андрей предложил ей взять домой. У машины они остановились и одновременно замолчали. Он стоял так близко, что ей было видно тонкую серебристую прядь у его виска. Внезапно захотелось сократить это нелепое расстояние, но Алиса не шевельнулась.

— Я очень хочу тебя поцеловать, — сказал Андрей.

— Тогда почему не целуешь?

Он провёл пальцами по её щеке, совсем легко, словно ещё мог отказаться от прикосновения.

— Завтра у меня разговор с владельцем «Атриума» об участии моей фирмы. Пока это не оформлено, поцелуй превратит наш профессиональный конфликт интересов в то, о чём я заранее знал и промолчал. Я не хочу так начинать.

Алисе стало обидно. Она уже успела потянуться к Андрею, а он заговорил о служебном конфликте интересов. В прежние годы она приняла бы это за отказ. Сейчас он сказал о трудном прежде, чем произошло то, о чём потом пришлось бы молчать. Обида всё равно осталась.

— Ты собираешься отойти от обследования?

— Должен официально заявить о конфликте и передать дальнейшую оценку независимым специалистам. Не через тебя и не задним числом. Завтра — как положено.

Она чуть сжала его руку.

— Мне всё равно немного обидно.

— Я понимаю.

— Это не значит, что ты неправ.

— И не значит, что мне хочется тебя отпускать.

Они стояли рядом ещё несколько секунд. Андрей открыл ей дверцу автомобиля, она села и пристегнулась, а потом посмотрела на него через открытое окно.

— Позвони, когда закончишь разговор.

— Позвоню. И не стану делать вид, что речь только о работе.

Дома Алиса оставила сумку в прихожей, включила кухонную лампу и достала из пакета десерт. Ей хотелось запомнить этот вечер как начало чего-то доброго, но телефон завибрировал прежде, чем она успела поставить чайник. Сообщение пришло от Елены.

«Подрядчик направил ТП-6. В полученной редакции дата выпуска на пять дней позже даты листа согласования с твоей подписью. Это ещё не исключает раннюю версию. Нужно запросить историю редакций».

Следующее сообщение содержало выдержку из условия протокола: окончательная проверка изменённых узлов должна быть проведена после уточнения фактических нагрузок и сопоставления с выполненным монтажом. Подтверждения такой проверки в присланном комплекте не было.

Алиса открыла ноутбук. На экране рядом оказались два документа: лист с её подписью, которой она не ставила, и техническое приложение, готовая версия которого появилась позже. Она перечитала даты, нашла ссылку на ТП-6 в раннем согласовании и записала три вопроса: какая редакция существовала на момент подписания листа, кто её получил и чем подтверждено выполнение обязательных условий. Прежде чем отвечать кому-либо, требовалось восстановить последовательность, а не назначить виновного по несоответствующим датам.

Пакет с десертом остался на краю стола. Алиса закрыла файлы только за полночь и вернулась на кухню, где от недавнего вечера сохранились лишь аромат кофе и забытая свеча на полке. Ей хотелось написать Андрею; хотелось разделить с ним неожиданную находку так же легко, как несколькими часами раньше они делились историями о собственной жизни. Но он всё ещё участвовал в независимой оценке, и новый технический документ следовало передать по надлежащим каналам. Она открыла переписку с Еленой и подтвердила: утром они вместе подготовят официальный запрос.

Только потом Алиса достала тарелку для десерта. Десерт примялся в бумажной коробке, и Алиса неловко переложила его на блюдце. Она села у окна, поднесла ложку ко рту и отложила её. Андрей обещал позвонить после разговора с заказчиком. Елена — прислать утром историю редакций ТП-6. Алиса положила телефон рядом с тарелкой и не стала выбирать, о каком сообщении думает больше.

Глава 7. Серая папка

В среду Алиса приехала в студию раньше Елены и успела разложить на большом столе три документа: присланный подрядчиком лист согласования, техническое приложение ТП-6 и письмо, к которому это приложение, по утверждению отправителя, было прикреплено несколько дней назад. Она проверяла не подписи и даже не формулировки. Её интересовал самый простой вопрос: что именно мог видеть человек, ставивший свою подпись под решением, если окончательная редакция приложения появилась на пять дней позднее? В раннем письме перечислялись три вложения, но сохранённое входящее сообщение содержало только два. Это ещё не было ответом. Зато позволяло перестать спорить о воспоминаниях и перейти к тому, что можно проверить.

Роман Кудрявцев появился с мокрым воротником куртки и папкой регистрационных выписок. Он не успел сесть, когда показал Алисе новое письмо подрядчика. К полудню от студии требовали подтвердить, что весь комплект по изменённым подвесам был получен своевременно, а замечания проектировщиков к началу работ отсутствовали. Название у документа было безобидное — «Уточнение статуса технической документации». Последний абзац Алиса прочла дважды. В нём одно незаметно подменяло другое: получение файлов объявлялось согласованием решения.

— Ответим сегодня, — сказала она. — Но ничего из их текста подписывать не будем. Подтверждаем только то, что действительно получили. И отдельно указываем: наличие ТП-6 в раннем письме не подтверждено, а выполнение предусмотренной им проверки нам не предъявляли.

— Они написали, что молчание сочтут отсутствием возражений, — сказал Роман. По тому, как он перекладывал листы, было видно, что он плохо спал. — Я два раза проверял входящие. Если третье вложение исчезло из-за меня…

— Тогда в журнале останется твоя ошибка, — перебила Алиса, но голос у неё был спокойный. — Не больше и не меньше. Ты не изменял схему подвеса и не разрешал пользоваться конструкцией. Запиши даты и всё, что видел собственными глазами. За остальных отвечать не надо.

Роман кивнул. Алиса попросила сохранить исходные письма вместе со служебными заголовками, не заменяя их удобными распечатками. По ним можно было установить, что именно пришло в студию. Двенадцать лет назад она сама предпочла документально неудобной истории гладкий ответ перед комиссией.

Елена вошла на середине разговора, сняла пальто и молча прочитала проект подрядчика. Через минуту на полях появились две красные пометки.

— Это не уточнение, — сказала она. — Это попытка получить от нас новый документ, который задним числом подтвердит спорный старый. Я подготовлю ответ вместе с Мельниковым. До исследования подписи не употребляем слова «подделка» как установленный факт, но прямо оспариваем, что ты подписывала согласование.

— И не даём им смешать наш отказ с отказом от сотрудничества, — добавила Алиса. — Если независимым инженерам понадобятся подлинные проектные материалы, они их получат в законном порядке. Никаких красивых общих фраз о том, что все вопросы урегулированы.

К обеду ответ был готов. В нём не осталось ни гнева, ни намёков на чужие мотивы: только перечень полученного, даты, открытые технические условия и требование предъявить оригинал спорного листа либо документально объяснить его отсутствие. Виктор Мельников снял по телефону ещё одну резкую формулировку, и Алиса, хотя ей хотелось оставить её, согласилась. На этом этапе точность стоила больше, чем возможность выразить возмущение.

После отправки Елена принесла в кабинет кофе. Они стояли возле окна, глядя, как курьер безуспешно пытается прикрыть коробку с образцами плёнкой. Из театра пока не поступало ни новых сведений о причинах падения конструкции, ни окончательных прогнозов врачей для Павла Березина. Алиса открыла переписку с Натальей и долго не решалась написать: она была одним из архитекторов объекта, а не давней знакомой семьи. В конце концов отправила короткий вопрос о самочувствии Павла, оставив право не отвечать.

Наталья ответила почти сразу. Павел пришёл в себя после операции, но впереди была долгая реабилитация; о том, насколько восстановится нога, врачи пока говорили осторожно. Соня нарисовала ему синего кита — потому что, по её словам, большие киты тоже устают, но держатся на воде. Алиса машинально представила этот рисунок на прикроватной тумбочке, рядом со стаканом и больничной кнопкой вызова. Сначала захотелось написать что-нибудь обнадёживающее. Вместо этого она поблагодарила Наталью за ответ и спросила, нужна ли практическая помощь, не связанная с расследованием. Наталья пока отказалась.

Алиса отложила телефон. До вечера ей предстояло закончить планировку частного дома, ответить заказчице по лестнице и провести две короткие встречи. Она вернулась к работе с некоторым облегчением: в этих задачах ещё существовала возможность исправить ошибку прежде, чем она затронет чужую жизнь. Но рисунок синего кита не выходил из головы.

Андрей приехал к владельцу «Атриума» с уведомлением, которое сам переписывал до поздней ночи. В переговорной его ждали технический директор театра и представитель собственника. На стене висела фотография сцены, сделанная до открытия, — ровные ряды кресел, чернота кулис, световой мост над ними. Андрей смотрел на снимок и думал, что фотография ничего не сообщает о нагрузках, узлах крепления и проходе, по которому несколько дней назад шёл человек с рабочими инструментами. Красивое изображение оставалось безупречным, пока в него не входили реальные обстоятельства.

— У меня возник конфликт интересов, — сказал он, едва они сели. — С Алисой Вороновой меня теперь связывают личные отношения. Дальнейшее независимое обследование не может оставаться за моей компанией. Всё, что мы измерили, будет передано новому исполнителю с указанием методики и ограничений. Окончательного заключения мы не выпускаем.

Представитель собственника сначала решил, что речь идёт о замене одного инженера другим. Он предложил оставить ответственным Егора Белова, назвал почти непереносимые сроки и несколько раз вернулся к стоимости простоя. Андрей выслушал его, не споря с цифрами. Именно поэтому и нельзя было подменять независимость новой фамилией в той же фирме: Егор участвовал в обследовании с самого начала, а решения всё равно находились в зоне ответственности Андрея.

— Значит, мы теряем ещё несколько дней? — спросил технический директор.

— Возможно, — ответил Андрей. — Но вы не получите от нас документа, которому нельзя доверять. Запрет на использование спорной системы и ограничения доступа действуют независимо от того, кто продолжит исследование. Их не отменяет ни наш уход, ни срочность открытия.

Собеседники не скрывали недовольства. Перед выходом Андрей ещё раз оговорил порядок передачи: исходные измерения отдельно, рабочие гипотезы отдельно, незакрытые вопросы — на первом листе описи. Новый исполнитель не должен был принять предположение за установленный факт только потому, что оно напечатано на фирменном бланке.

На лестнице Андрей остановился, чтобы ответить Егору. Тот уже подготовил перечень данных и спросил, не передумал ли руководитель, узнав о реакции заказчика. Андрей написал, что нет, и добавил просьбу проверить все записи Даниила, прежде чем они уйдут из фирмы. Егор ответил одной строчкой: «Сделаю. Только ты потом не пытайся руководить новой провер-

кой издалека». Андрей улыбнулся. Иногда человеку требовался друг именно для того, чтобы вовремя напомнить: отказавшись от полномочий, нельзя незаметно забрать их с собой.

В машине он достал телефон, собираясь написать Алисе. Потом убрал его и сначала отправил официальное уведомление заказчику и юристу. Он уже слишком хорошо знал, как легко оправдать удобное действие правильным чувством. Лишь увидев подтверждение отправки, набрал её номер.

— Я сообщил владельцу. Завтра заканчиваем передачу, дальнейшую оценку делает другая организация. Не знаю пока, какая именно.

— Как они это приняли?

— Так, как люди принимают потерю денег и времени. Сдержанно, если не считать нескольких слов, которые я предпочёл не записывать.

Она засмеялась, но ненадолго. В её голосе прозвучало не одобрение и не сожаление, а внимание к тому, что он действительно потерял.

— Это был большой контракт, Андрей.

— Был. И работа у нас осталась незавершённой. Только закончить её любой ценой — не то же самое, что сделать правильно.

Повисла пауза. Он хотел рассказать, как неприятно было сидеть напротив владельца и признавать, что из-за личных обстоятельств приходится отказаться от профессиональной задачи; хотел сказать, что думал об их вчерашнем разговоре возле ресторана больше, чем о самом совещании. Но Алиса неожиданно спросила:

— Ты свободен сегодня вечером?

— Теперь у меня существенно меньше дел с театром, — ответил он. — Если это приглашение, я приму его без дополнительной проверки.

— К половине восьмого приезжай ко мне. Будет ужин. Меню не утверждено, возможны изменения непосредственно перед подачей.

Андрей рассмеялся. После разговора, в котором каждое слово нужно было взвешивать, это нелепое предупреждение оказалось самым простым и желанным событием дня.

Алиса переоделась за десять минут до его приезда. На кухне стояла сковорода с соусом, который получился гуще задуманного, в раковине лежали овощные очистки, а на спинке стула висел жакет, сброшенный в спешке. Она успела убрать ноутбук в кабинет, но теперь сомневалась, правильно ли сделала: на столе стало непривычно пусто, словно она готовилась к показу образцовой квартиры, а не к обычному ужину. Андрей знал её в переговорных, на площадках и возле старых чертежей. Здесь он увидит женщину, которая иногда покупает книги быстрее, чем успевает их прочесть, забывает поливать цветы и держит на кухонной полке три совершенно разных чашки, не желая заменить их набором.

Он пришёл с букетом, где среди белых хризантем виднелись тёмные цветки и веточки эвкалипта. Не розы, которые могли бы превратить вечер в демонстрацию намерений, а цветы, будто выбранные с мыслью о её комнате. Пока Алиса искала вазу, Андрей остановился у фотографии улицы с трамваем — отпечатка, который она купила в воскресенье в маленьком магазине. Он не спросил, сколько стоила вещь и почему она ещё не в рамке. Только заметил, что на полке снимок похож на память, не запертую под стекло.

— Если ты начнёшь и дальше так разговаривать о фотографиях, я перестану верить, что ты инженер, — сказала Алиса.

— Я не показываю коллегам свои слабости. Меня и без того подозревают в излишней сентиментальности, когда я прошу подписывать акты до начала работ.

Она улыбнулась и пошла на кухню. Андрей предложил помощь, снял часы и взялся нарезать помидоры. Делал это не идеально ровно, к её облегчению, зато уверенно. Когда он попро-

бовал соус и осторожно заметил, что соли не хватает, Алиса развернулась к нему со слишком серьёзным видом.

— Мы ещё не успели поужинать, а ты уже нашёл замечание?

— Я предпочёл бы назвать его наблюдением. Решение остаётся за автором.

Она добавила соль, попробовала ещё раз и почувствовала знакомое раздражение от того, что он оказался прав. Андрей заметил её выражение, но не стал торжествовать: просто убрал с доски очистки и спросил, где стоят тарелки. Через несколько минут они уже двигались по небольшой кухне, осторожно уступая друг другу место возле плиты, и разговор о сложном дне незаметно распался на истории о совершенно посторонних людях.

Он рассказывал про Егора, который по ошибке отправил заказчику вместо технической записки школьную презентацию дочери о морских черепахах. Клиент, по словам Андрея, нашёл её единственным документом за месяц, написанным человеческим языком. Алиса вспомнила Ингу, однажды перепутавшую размер формы для торта на двадцать человек и уверявшую гостей, что низкий десерт задуман как художественное высказывание. Оба смеялись, перебивая друг друга, и постепенно она перестала замечать часы. Они были взрослыми людьми с общим прошлым и разными нынешними жизнями; за этим столом им неожиданно оказалось о чём говорить без обращения к старой травме.

После ужина Андрей помог убрать посуду, несмотря на её возражения, и они перешли в гостиную. У книжного шкафа он попросил разрешения взять тонкий томик стихов; Алиса вспомнила, как купила его во время одинокой поездки в Петербург и читала по вечерам в гостинице, впервые за несколько лет отключив рабочий телефон. Андрей обнаружил на форзаце дату, улыбнулся и спросил, научилась ли она с тех пор отдыхать. Она честно ответила, что нет, но у неё появились отдельные талантливые попытки. В ответ он признался, что после развода несколько лет учился готовить на одного и долго не мог привыкнуть к тишине квартиры.

— Ты говорил вчера, что не хочешь повторять прежние ошибки, — сказала Алиса, возвращая книгу на полку. — Мне это понравилось. Но иногда я всё равно чувствую себя девочкой, которой опять объяснят, почему обстоятельства важнее её желания.

Андрей поставил чашку на подоконник и не стал спорить с тем, как она это помнила.

— Вчера мне очень хотелось тебя поцеловать. И я понимал, что ещё не сообщил заказчику о конфликте. Если бы промолчал, потом пришлось бы просить тебя поверить в мои благие намерения. Я не хотел снова начинать с такого долга.

— А сегодня?

Он посмотрел на неё внимательно. Алиса боялась услышать очередное рассуждение о сроках и документах, но Андрей только сказал:

— Сегодня я уже сделал то, что обязан был сделать. И хочу быть здесь. Если ты тоже этого хочешь.

Она придвинулась ближе. Иногда желание возникало не от неожиданного жеста, а от того, что другой человек не заставлял угадывать его мысли. Андрей коснулся её руки, осторожно переплёл пальцы с её пальцами. У Алисы на мгновение сжалось горло: двенадцать лет назад они тоже считали, что умеют читать друг друга без слов, и именно этого умения им не хватило, когда случилось страшное.

— Мне страшно, — призналась она. — Мы уже однажды всё разрушили.

— Не всё, — сказал он. — И не в одиночку. Но я не стану обещать, что теперь у нас получится без ошибок.

Она подняла глаза. Ей хотелось спросить, сможет ли он выдержать ту часть прошлого, о которой она до сих пор не рассказала. Однако слова не складывались: между вопросом и ответом лежал лист бумаги, спрятанный в её шкафу, и неправда, произнесённая ею самой. Пока она медлила, Андрей коснулся ладонью её щеки.

— Можно?

Алиса вместо ответа сама наклонилась к нему. Первое прикосновение губ было осторожным; затем она почувствовала, как его рука обнимает её за плечи, и поцеловала его снова, уже без страха, что должна угадать единственно правильный момент. На секунду вспомнилась холодная лестница Дома искусств, где они целовались в ноябре две тысячи четырнадцатого, но Андрей был рядом сейчас, и прошлому пришлось уступить место настоящему. Она ощущала тёплую ткань его рубашки под пальцами и слышала, как за окном дождь начинает стучать по карнизу.

— Я собирался вести себя разумно, — прошептал он, когда они отстранились.

— Кажется, у тебя не получилось.

— Похоже на то.

Они ещё долго сидели рядом, иногда разговаривая, иногда просто слушая музыку. Алиса положила голову ему на плечо и обнаружила, что не обязана заполнить каждую паузу объяснением. Он не делал вид, будто двенадцати потерянных лет не было; она не старалась за один вечер решить, что это теперь означает. Когда Андрей посмотрел на часы, было уже поздно. Она могла попросить его остаться. Желание было достаточно ясным, чтобы не обманывать себя. Но ей хотелось, чтобы этот вечер остался первым, а не попыткой за одну ночь догнать жизнь, которая прошла без них.

В прихожей он забыл часы на комоде, и Алиса вернула их ему, смеясь над тем, что инженер сумел оставить единственный предмет, по которому мог контролировать время. Андрей поцеловал её ещё раз, коротко и без колебания, и ушёл. В гостиной остались две недопитые чашки, открытая книга и букет, с которого на стол упал маленький лист эвкалипта. Алиса подобрала его и неожиданно подумала, что теперь ей придётся делиться не только этим безобидным счастьем, но и тем, что способно его разрушить.

В четверг утром Андрей с Егором подписали опись передаваемых материалов. На первом листе было четыре пункта; на последнем — почти два десятка замечаний о границах полученных данных. Андрей хотел убрать повторяющуюся оговорку, но Егор удержал его. Когда независимый специалист впервые увидит эти документы, он должен понимать, где кончается измерение и начинается их предположение о причинах деформации. Отказ от договора не освобождал от обязанности оставить после себя честную работу.

— Нам ещё позвонили вчера из театра, — сказал Егор, проверяя нумерацию страниц. — Предлагали, чтобы я просто взял весь контракт на себя. Сказал, что это ничего не изменит. Мне, кстати, было неприятно.

— Мне тоже. Но ты поступил правильно.

— Заметь, я говорю это не затем, чтобы ты начал утешать меня новой работой.

Андрей поднял на него глаза. Егор работал с ним одиннадцать лет и мог позволить себе интонацию, которую никто другой в фирме не рискнул бы использовать.

— Значит, я отменю твоё назначение главным по двум объектам на следующей неделе.

— Вот теперь узнаю начальника, — сказал Егор. — Лучше скажи, ты счастлив?

Вопрос прозвучал слишком неожиданно для переговорной, где лежали материалы обследования аварийной конструкции. Андрей отложил ручку. Вчера вечером, когда Алиса стояла в прихожей с его забытыми часами в руке, он ощутил странное отсутствие внутренней спешки. Раньше ему всегда казалось, что чувство надо немедленно превратить в решение, будущее, ясное обещание. Теперь он не мог назвать дату и условия их счастливой жизни, но с удивлением обнаруживал, что от этого счастье не становилось менее настоящим.

— Да, — ответил он. — И боюсь, что это не избавит тебя от моих замечаний к описи.

Егор вернулся к таблице. К десяти материалы ушли заказчику, а Андрей направил уведомление о прекращении оценочных работ по «Атриуму». Знакомый инженер мог бы подска-

зать, кому поручат проверку дальше. Андрей даже открыл его контакт, но звонить не стал: передав дело, нужно было позволить другим начать собственную работу.

Алиса прочитала короткое официальное уведомление уже в студии. Прежде чем закрыть письмо, она посмотрела на дату отправки: Андрей сначала сделал необходимое и только потом рассказал ей. Ей хотелось позвонить и сказать, что она видит цену этого поступка. Но Елена принесла новые сведения об оспариваемом комплекте, и их короткий разговор снова оказался рабочим. Подрядчик обещал представить историю редакций ТП-6 позже. Пока вместо самой ранней версии прислал изображение её титульного листа без приложений. Опись источников, составленная Романом, оставалась единственной проверяемой картиной того, что поступило в студию.

— Кирилл просил зайти, — сказала Елена, собирая бумаги. — Говорит, речь об уходе Левицкого и о том, как мы будем общаться с новой инженерной организацией.

Алиса вздохнула. В последние дни она всё реже могла предугадать, какую часть разговора Кирилл сочтёт своей обязанностью как управляющего партнёра, а какую — правом человека, знавшего её почти всю профессиональную жизнь. Она застала его у окна, с остывшим кофе и разложенными по столу вырезками из деловой прессы. На одной из фотографий виднелся закрытый вход в театр.

— Я не собираюсь задавать лишних вопросов, — начал он без приветственных обходов. — Но ты должна понимать, как это будет выглядеть со стороны. Левицкий отказался от независимой оценки в тот момент, когда к студии появились серьёзные претензии.

— Он объяснил обстоятельства заказчику и передал исходные данные. Оценку продолжат люди, которые не связаны с нами, — ответила Алиса. — Именно так и надо было поступить.

— А обстоятельства изменились из-за вас двоих?

Она не любила, когда Кирилл говорил мягче обычного: это означало, что он уже выбрал направление разговора и теперь подбирает самый удобный способ привести её к нужному ответу.

— Да, наши отношения перестали быть только профессиональными. В этом и состоит конфликт интересов. Но насколько они серьёзны, Кирилл, — не вопрос нашей студии.

Он не возразил сразу. Сдвинул одну из газетных вырезок, прикрывая фотографию театра, и сказал, что не хотел бы ещё одного случая, когда личное между ней и Андреем осложняет общий проект. Алиса почувствовала, как неприятно похолодели ладони. Ровно такие слова она слышала много лет назад, когда все торопились отделить отношения от расследования, а потом вдруг обнаружили, что прошлое и профессиональные решения не раскладываются по отдельным папкам.

— Что именно ты имеешь в виду под «ещё одним случаем»? — спросила она.

— Дом искусств. Ты помнишь, сколько сил мы потратили после обрушения. Я не хочу снова вытаскивать студию из истории, в которой трудно понять, кто за что отвечал.

— Тогда мы, наверное, не всё поняли, — сказала Алиса.

Кирилл поднял на неё глаза. На стене за его спиной висели фотографии лучших проектов студии; когда-то там был и Дом искусств. Снимок убрали после скандала, по просьбе Кирилла, как убирают предмет, который слишком сильно мешает красивой композиции.

— Алис, если у тебя есть конкретные сомнения в материалах старой проверки, ими надо заниматься отдельно и осмотрительно. Не стоит поднимать всё заново только потому, что Левицкий появился рядом.

— Я не говорю, что хочу кого-то обвинить. Но ты ведь помнишь предупреждение, которое он направлял в конце ноября?

Кирилл немного помедлил. Не так долго, чтобы пауза выглядела отказом отвечать, но достаточно, чтобы Алиса впервые обратила на неё внимание.

— Помню, что шла жёсткая переписка. Техническая служба уверяла, что замечания отработаны. Что именно было в письме, сейчас на память не воспроизведу. И не советую строить нынешние выводы на обрывках давнего разговора.

Кирилл предложил вернуться к «Атриуму». Они согласовали порядок передачи документов независимой организации и информирования сотрудников. Уже выйдя из кабинета, Алиса вспомнила, как быстро он оборвал разговор о предупреждении 2014 года. Намеренно ли — или потому, что сам боялся этого воспоминания? Ответа у неё не было.

После обеда Алиса уехала на осмотр старой городской библиотеки. Это было небольшое здание в глубине двора, с высокой лестницей и тёмными дубовыми панелями бывшего читального зала. Заказчик несколько раз переносил встречу из-за «Атриума», и теперь заведующая библиотекой встретила Алису с опасливой решимостью человека, который слишком долго защищал доверенное ему имущество от желающих быстро сделать ремонт. Внутри пахло старой бумагой, пылью и чуть влажной древесиной. Алиса подняла край плохо закреплённой декоративной панели и увидела под ней первоначальное крепление, которое можно было обследовать, не снимая всей обшивки.

— Строители говорят, проще заменить всё, — сказала заведующая. — Новое дерево сейчас умеют делать почти таким же.

— Почти таким же, — повторила Алиса и посмотрела на сквозные царапины вдоль филёнки. — Этой поверхности люди касались руками сто лет. Новую можно подобрать по рисунку, но нельзя заставить её прожить ту же жизнь. Сначала посмотрим, что действительно повреждено. Возможно, часть панелей удастся сохранить на месте.

Женщина провела её в бывший кабинет владельца дома. Под поздней побелкой там обнаружили фрагмент настенной росписи — тонкие голубые ветви с маленькими птицами. Несколько лет назад его предлагали закрыть гипсокартоном: ценность рисунка никто не успел официально подтвердить, а ждать исследования не хотелось. Заведующая отказалась. Она рассказала об этом без гордости, скорее с усталостью человека, которому часто приходится объяснять очевидное.

— Если бы мы тогда всё закрыли, никто бы уже не узнал, что здесь было. У меня даже фотографии не осталось хорошей. Просто показалось неправильным уничтожить то, чего мы ещё не понимаем.

Алиса нагнулась к стене. На голубой линии виднелись две последовательные краски: первоначальная тонкая и более поздняя, которой кто-то пытался повторить изгиб ветви. Разница была заметна только вблизи. Она сделала снимок и попросила не трогать этот участок до обследования. Работая, она вдруг вспомнила Кирилла, говорившего об обрывках давней переписки, и почувствовала желание поехать домой раньше обычного. В шкафу у неё стояла серая папка, которую она не открывала годами. Она отлично знала, какие документы там могут лежать, и всё это время предпочитала считать, что прежняя комиссия уже разобралась в существенном.

Когда Алиса вышла из библиотеки, Андрей позвонил сам. Он говорил обыкновенно, спрашивал, как прошёл день, и слегка поддразнивал её за то, что она наверняка спорит с кем-нибудь о старых дверях. Она рассказала про птиц на стене и женщину, которая отказалась их закрыть. Андрей не пытался перевести разговор на театр. Он сказал, что хотел бы увидеть роспись, когда её разрешат фотографировать для проекта, и предложил встретиться на выходных.

— С удовольствием, — ответила Алиса. — Только я сегодня устала сильнее, чем рассчитывала.

— Тогда без новых планов до завтра. Я позвоню утром?

Она почти согласилась. За последние дни Андрей не требовал от неё быстрых решений, и это давало странную, давно забытую лёгкость. Но мысль о папке уже не отпускала. Она хотела попросить его быть рядом и одновременно боялась того, что собиралась обнаружить.

— Позвони, — сказала она. — Если я не отвечу сразу, значит, просто работаю дома.

Слова прозвучали естественно. И только завершив разговор, Алиса заметила, как легко у неё получалось оставлять себе возможность не объяснять того, что важно.

Вечером она заехала за продуктами и долго стояла у полки с чаем, не в силах выбрать между двумя одинаково ненужными сортами. Дома поставила пакет на кухонный стол, повесила пальто и не включила телевизор, хотя обычно оставляла его работать фоном, когда возвращалась одна. Из шкафа в гостиной достала серую папку с потёртой лентой на корешке. Картон оказался прохладным, в одном углу чуть разошёлся от времени. Она положила папку под лампу и сначала просто смотрела на неё, будто могла заранее узнать по поверхности, что внутри.

Документы были сложены не по хронологии. Старые эскизы, фотографии недостроенной галереи, несколько служебных записок о материалах отделки, счета на образцы плитки. Среди них — выцветший снимок фасада Дома искусств, сделанный в ясный день, когда все ещё надеялись закончить объект без неприятностей. На обороте Алиса увидела собственный почерк: «Снять новые фото после открытия». Она перевернула снимок и отложила его в сторону. Этот несостоявшийся будущий день был неприятен почти так же, как лежащие рядом бумаги.

Письмо Андрея нашлось ближе к середине. Дата стояла совершенно отчётливо: пятница, 28 ноября 2014 года. Он сообщал о расхождениях между согласованным решением и фактическим состоянием опор галереи, требовал ограничить доступ и провести независимую проверку до использования участка. По форме это было предупреждение инженера, а не приказ руководителя учреждения. Но смысл Алиса поняла ещё тогда: работу нельзя было считать завершённой на основании устных заверений. Она помнила резкий тон письма и своё раздражение от того, что Андрей вновь ставил под сомнение решение, которое все вокруг торопились назвать окончательным.

Скрепка удерживала второй лист. Сначала Алиса увидела адрес отправителя, затем строчку темы, а потом подпись внизу. Она знала этот адрес: двенадцать лет назад с него уходили десятки рабочих писем, и не раз сама она просила помощницу распечатать переписку для текущих папок. Но ответ, прикреплённый к предупреждению Андрея, написала она собственноручно. Даже формулировки были её — аккуратные, немного сухие, с попыткой показать, что вопрос находится под контролем.

«Андрей, получили ваше сообщение. Предупреждение и замечания по галерее переданы Кириллу Савину для рассмотрения с технической службой. До подтверждения решения вопрос остаётся открытым».

Под строками стояло её имя и время отправки. Алиса медленно опустилась в кресло. Было невозможно сказать, что она увидела этот ответ впервые: она помнила, как писала его после тяжёлого рабочего дня, как сдерживала раздражение и выбирала выражения, которые не выглядели бы признанием чужой правоты. В понедельник Кирилл сообщил, что техническая служба всё обсудила и замечание не требует её участия. Алиса спросила о письменном подтверждении, не получила его и больше не настаивала. Через несколько дней галерея обрушилась.

Она отодвинула первое письмо и снова прочла свой ответ. Самое страшное было не то, что эти два листа могут изменить оценку событий; для этого требовалось восстановить множество чужих решений, и сама переписка не объясняла причин обрушения. Страшным было другое: лист подтверждал факт, который Алиса сознательно отрицала перед комиссией. В комнате с белыми стенами её спросили, известно ли ей о письменном требовании ограничить использование галереи до проверки. Она сказала, что нет. Не «не помню», не «не видела окончательного решения». Просто нет.

Тогда ей было двадцать шесть. Она боялась потерять работу и разрушить положение Кирилла, который помог ей стать архитектором, чьё мнение в студии воспринимали всерьёз.

Ей казалось, что технические специалисты уже во всём разобрались, а её слова лишь втянут в спор не тех людей. Кирилл убеждал не смешивать замечание инженера с распоряжением об остановке работ; Алиса ухватилась за эту разницу, потому что она выглядела спасительной. Но сам вопрос комиссии был ясным, и она его поняла. Молодость объясняла страх, а не превращала неправду в правду.

В комнате стало душно. Алиса открыла окно, вернулась к столу и разложила письма рядом. В одном Андрей требовал проверки; в другом она собственным именем подтверждала получение требования и передачу замечаний Кириллу. Она не знала, что сделал Кирилл после этого, какие указания получили строители и видел ли Андрей письменный ответ технической службы. Не знала и не должна была заполнять эти промежутки догадками. Но относительно своих слов перед комиссией сомневаться было не в чем. Тогда она спрятала копии не из забывчивости: после проверки распечатала их, понимая, что они опровергают её объяснение, и убрала под рабочие материалы, чтобы не видеть.

Она достала блокнот и записала несколько дат. Не искала доказательств чьей-то злой воли и не пыталась написать красивую версию своей биографии. Рядом с письмом Андрея поставила слово «получено»; рядом с собственным ответом — «отправлено»; около слов Кирилла в понедельник — «устно, письменного подтверждения не видела». После фразы о комиссии рука остановилась. Алиса долго смотрела на пустое место напротив, потом написала: «Отрицала получение. Знала, что это неправда».

От записи легче не стало. Алиса не знала, как законно дополнить объяснения комиссии спустя двенадцать лет, и собиралась обратиться к адвокату. Но прежде ей предстояло показать эти два письма Андрею. Он снова впустил её в свою жизнь, не зная, что она говорила комиссии о его предупреждении.

Телефон засветился. Андрей спрашивал, как прошёл осмотр и удалось ли спасти роспись. Алиса написала, что птицы на месте и им пока ничто не угрожает. Он ответил шуткой про то, что это хорошая новость для птиц и архитектора. Она улыбнулась — и тут же ощутила, насколько жестоко было бы продолжать разговор так, словно на столе не лежат два письма. Ей не хотелось сообщать всё в нескольких строках: главное можно было произнести только лично, дав ему возможность спросить и ответить, как он сочтёт нужным.

«Мне нужно поговорить с тобой о Доме искусств. О том, что я тогда сказала комиссии. Ты сможешь встретиться завтра вечером?»

Она перечитала сообщение и захотела добавить: «Только не пугайся», «Это не так страшно», «Я не знала, что будет». Каждая фраза заранее направляла бы его реакцию, лишая права самому определить значение услышанного. Алиса стёрла их и отправила текст без дополнений.

Ответ пришёл через несколько минут: «Приезжай к семи. Всё в порядке?»

Она посмотрела на листья эвкалипта, потемневшие за день в вазе, на книгу, которую Андрей листал вчера, и на два письма. Когда-то ей казалось, что можно сохранить хорошее, не трогая плохого, если просто не произносить опасных слов. Теперь прошлое было раскрыто перед ней, и у неё не оставалось честного способа закрыть папку и снова поставить её на полку.

«Нет, — написала Алиса. — Но я расскажу тебе завтра».

Он ответил коротко: «Буду дома».

Алиса сняла скрепку, вложила письма в прозрачный файл и положила в сумку. Серая папка осталась открытой возле старой фотографии фасада. До разговора с Андреем было меньше суток; впервые за этот вечер она не попыталась придумать слова, которые сделают признание мягче.

Глава 8. Цена молчания

Елена положила перед Алисой два листа с одинаковыми датами и разными формулировками. В первом письме подрядчик обещал предоставить расчёты по изменённым подвесам «Атриума» после проверки исходных данных; во втором, отправленном заказчику несколькими часами позже, те же расчёты уже назывались подготовленными к передаче. Алиса провела пальцем вдоль строки, в которой исчезло слово «после». Оно занимало шесть букв и меняло смысл всего абзаца. За стеклом переговорной сотрудники готовились к пятничной планёрке, передвигали стулья и спорили, хватит ли всем кофе, а здесь по-прежнему приходилось отстаивать точность каждой формулировки.

— Что отвечаем? — спросила Елена.

— Что ждём расчёты, а не обещание их прислать. И не подтверждаем никаких работ до независимого заключения. Андрей уже передал материалы и вышел из обследования. Надо перестать ссылаться на него в переписке так, будто он отвечает за последующие решения.

Елена сделала пометку, не спросив, отчего Алиса с такой осторожностью произнесла имя Левицкого. Та была благодарна за молчание: к семи вечера ей предстояло принести Андрею два письма, и теперь каждая рабочая фраза о документах отдавалась в ней тревогой.

В соседней переговорной Кирилл обсуждал график новых объектов. Увидев Алису, он отодвинул лист с предложениями по городской библиотеке и пригласил её сесть. Ещё недавно она бы согласилась на долгий разговор о рабочей загрузке, о том, кого поставить на следующий выезд, о потерянном из-за театра времени. Сегодня ей хотелось услышать только конкретный ответ: готов ли он выделить реставраторам дополнительный день для обследования найденной росписи, прежде чем кто-нибудь закроет её временной облицовкой. Кирилл прочёл её записку, провёл ручкой по смете и согласился без спора. Этот небольшой успех должен был обрадовать её сильнее, чем обрадовал.

— Ты выглядишь так, будто не спала, — заметил он, возвращая документы. — Из-за «Атриума»?

— Из-за нескольких вещей сразу. С библиотекой разберёмся, если получим доступ в понедельник. По театру пусть Елена ведёт переписку в пределах согласованного порядка.

— Я и не предлагаю делать иначе. Только не нужно превращать каждую сомнительную фразу в дело всей жизни. Иногда подрядчик просто неудачно пишет.

Алиса могла бы напомнить ему, что именно так двенадцать лет назад они начали отличать «письмо с предупреждением» от «формального распоряжения», пока смысл предупреждения почти не исчез. Но та история сейчас принадлежала не этому разговору. Она ещё не проверила все обстоятельства, не поговорила с адвокатом и не собиралась выяснять ответственность Кирилла через намёки, брошенные за рабочим столом.

— Тогда пусть исправит формулировку, — сказала она. — Это проще, чем потом выяснять, что все стороны под ней понимали.

Кирилл не возразил. Алиса вышла с подписанной заявкой на обследование библиотечной росписи. Прозрачный край файла со старыми письмами задевал пальцы всякий раз, когда она доставала телефон. Перенести вечернюю встречу было бы легко. Она убрала телефон обратно.

К четырём Алиса завершила рабочую переписку, отдала младшему архитектору замечания к чертежам библиотеки и позвонила Мельникову. Секретарь предложила время на понедельник. Она записалась, ещё не зная, как именно нужно исправлять показания старой комиссии и возможна ли такая процедура в прежнем виде. Потом сообщила Андрею, что приедет к семи, как договаривались. Он ответил коротким «Буду дома», без вопросительного знака и привычной шутки. Это означало, что он услышал серьёзность её вчерашнего сообщения, но ничего не говорило о том, готов ли услышать остальное.

К моменту её приезда Андрей успел убрать с кухни пакеты с продуктами и заварить чай с мятой. На столе стояли две чашки и тарелка с ломтями лимона — слишком толстыми для чая, как он сам заметил бы в другой вечер. На книжной полке висела фотография двора с освещённым окном, которую они вместе выбрали на прогулке. Андрей на несколько секунд задержался возле неё и подумал, что ещё вчера это было доказательством какой-то простой, почти невероятной удачи: Алиса снова входила в его жизнь не как человек из старого дела, а как женщина, которую он хотел видеть рядом. Он не знал, что она собирается рассказать. По тому, как тщательно она сформулировала сообщение, было ясно лишь, что её признание не будет приятным.

Она вошла, сняла мокрое пальто и не сразу протянула ему руку. Он заметил это, но не приблизился. Обычно между ними уже возникало что-нибудь необязательное — замечание о погоде, вопрос об ужине, короткая попытка рассмешить. Сегодня тишина была другой: не неловкой, а осторожной. Андрей предложил чай и подождал, пока Алиса сядет в кресло напротив дивана. Она положила сумку рядом, на пол, так что файл с документами оказался почти у её ног.

— Ты вчера написала, что дело серьёзное, — сказал он. — Что случилось?

— Я разобрала папку с материалами Дома искусств. Ту, которую много лет не открывала. Там сохранилось твоё письмо от двадцать восьмого ноября. И мой ответ на него.

Андрей медленно поставил чашку. Он не спросил, о каком письме речь. В тот день, в конце ноября 2014-го, он потребовал ограничить доступ к галерее до независимой проверки фактических опор. За последующие годы эту дату приходилось произносить так часто, что она перестала быть частью календаря и стала обозначением неудавшейся попытки предотвратить беду. Но об ответе Алисы он не знал. Его исходящее письмо уцелело; доказать, что адресат получил предупреждение, оказалось гораздо сложнее.

— Покажи, — попросил он.

Алиса достала листы и передала ему. Сначала он прочёл предупреждение, затем вторую распечатку. «Получили ваше сообщение. Предупреждение и замечания по галерее переданы Кириллу Савину для рассмотрения с технической службой. До подтверждения решения вопрос остаётся открытым». Андрей вернулся к первой строке ответа, посмотрел на дату отправки и получателей. Он читал молча, и Алиса вдруг поняла, что подготовилась к любым словам, кроме этого молчания.

— Ты действительно отправила ответ? — спросил он.

— Я помню, как писала его. Сохранилась распечатка из рабочей переписки. Электронный оригинал ещё нужно найти в архиве, поэтому я не стану уверять тебя, что его получение подтверждено технически. Но письмо я написала. Предупреждение получила в тот же день.

— До обрушения.

— Да.

Андрей сложил листы ровно по краю стола. Пальцы его оставались спокойными; в лице проступила та особенная неподвижность, какую Алиса прежде принимала за хладнокровие. Она знала теперь, что за этим обычно скрывалось усилие не сказать лишнего.

— На комиссии тебя спрашивали, известно ли тебе о письменном предупреждении, — произнёс он. — Ты ответила, что нет.

— Ответила.

— Хотя письмо у тебя было.

— Да, Андрей. Я сказала неправду сознательно.

Он поднял на неё глаза. Алиса могла бы объяснить, что было молодостью, что — страхом потерять работу, что — привычкой доверять Кириллу, который тогда казался ей человеком, способным разобраться в любой сложной ситуации. Всё это имело отношение к её поступку, и

всё это не меняло ответа комиссии. Она произнесла его сама. В тот момент ей не дали неверную бумагу для подписи, не подсунули формулировку и не заставили говорить под угрозой. Её спросили прямо; она поняла вопрос и выбрала ложь.

— Почему? — спросил Андрей.

— Я испугалась того, что начнётся, если признаю получение. Кирилл говорил, что техническая служба уже обсудила замечания, что нужно различать предупреждение инженера и распоряжение об остановке работ. Я хотела ему верить. А ещё мне хотелось, чтобы комиссия поскорее перестала спрашивать, что я знала и когда. Я тогда думала, что если у меня нет полномочий закрыть галерею, то я как будто не обязана говорить о письме.

— Но ты сама написала, что вопрос остаётся открытым.

— Написала. И знала, что подтверждения нет.

Андрей встал. Он прошёл к окну, но не подошёл вплотную, остановился возле книжного шкафа. Ему нужна была возможность видеть другую часть комнаты, не смотреть бесконечно на знакомый почерк, который до этого вечера существовал только в предположении. Несколько лет он убеждал себя, что Алиса не получила его предупреждение по-настоящему; возможно, увидела в копии, возможно, чужой секретарь распечатала и положила не туда. Это объяснение не делало их прежний разрыв менее болезненным, зато позволяло не думать, будто человек, которому он верил, смотрел ему в глаза и намеренно говорил неправду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.